

9 (1)
В 26П

210

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

К. ВЕЙЛЭ

ПЕРВОБЫТНОЕ ОБЩЕСТВО
И ЕГО ХОЗЯЙСТВО

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. Н. ГОРЛИНА

С 36 рис. и 3 таблицами

Государственное Издательство

9(1)
8267

Земельный В. 22.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

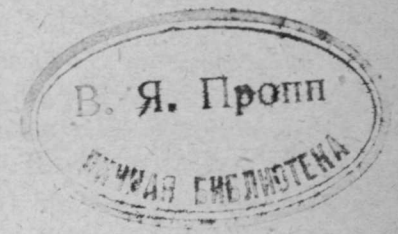
16

К. ВЕЙЛЭ

ПЕРВОБЫТНОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО ХОЗЯЙСТВО

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. Н. ГОРЛИНА

с 36 рис. и 3 таблицами

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА   ▲ ▲ 1923   ▲ ▲   ПЕТРОГРАД

9(1)

B26

1992 г.

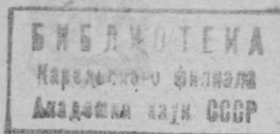
2006

1973

Государственная типография
имени Евгении Соколовой.
Петроград, Измайловский, 29.

Зак. № 409.

74784K

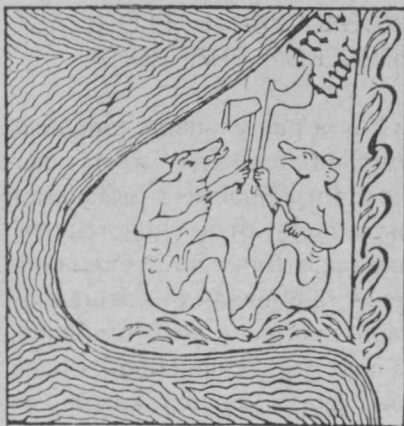

1. О СУЩНОСТИ ХОЗЯЙСТВА И ЕГО КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ.

По берегам реки Ганга разгуливают странные существа. Они совершенно лишены рта и, свободные от повседневной потребности в осязаемой материальной пище, довольствуются душистым запахом трав, цветов и плодов. Даже во время своих продолжительных путешествий вдали от священной реки, они питаются лишь ароматом дикого яблока, которым запасаются на дорогу. Всякий иной, более сильный запах мог бы оказаться пагубным для этих нежных созданий.

Существа эти — фантастическое порождение средневекового народоведения — называются „астомами“, т.е. безротыми. В узком кругозоре средневековья, принявшего все наследие древнего мира без малейшего разбора, астомы были одной из многочисленных разновидностей тех этнографических чудищ, которыми тогда охотно населяли землю. Сюда относились псоглавы (люди с собачьими головами — рис. 1), коненоги (люди с лошадиными ногами — рис. 2), эскиоподы (люди с веерообразными ногами), фанезицы (люди с громадными ушами), блемии или грудолокии (люди, лишенные

головы, с глазами и ртом на груди, — рис. 3), большегубы (рис. 4) и многие другие баснословные измышления „науки“, еще не затронутой точным наблюдением природы *). Все такие чудища обозна-

1. Псоглавы или кинокефалы.

бо определенные народности. Лишь „большегубы“ отчасти напоминают собой дикарей, уродующих свои рты при помощи особых губных деревяшек, как это делает африканское племя муску, к югу от озера Чад, или маконде, матамбве, яо, макуа и другие племена в бывших германских восточно-африканских владениях, или вавиры, на восточной

*) Рисунки взяты из старинной карты-иконы, украшающей стену собора в Герефорде, в Англии.

окраине средне-африканских первобытных лесов. В моей книге: „Элементы человеческой культуры“ я имел случай ближе коснуться этих „большегубых“ народцев современности.

Но самую элементарную и грубую ошибку средневековое народоведение допустило, конечно, относительно „безротых“, или „астомов“, предположив, что они не нуждаются в пище. Это предположение противоречит самому понятию о живом организме. Мы еще можем допустить существование остальных „дивьих людей“, как, например, большегубов и псоглавов, — разумеется, при условии низведения фантастически преувеличенных свойств их до степени возможного в пределах человеческой природы. Но без питания не может обходиться ни одно живое существо, ибо каждое из них подчиняется закону обмена веществ и, следовательно, нуждается в пище.

Добывание человеком столь необходимой ему пищи и составляет самую существенную часть того, что мы называем хозяйством или экономикой. В своем полном объеме понятие „хозяйство“ охватывает всякую деятельность, направленную к поддержанию нашего существования. Таковы, наряду с заботами о пропитании, заботы о жилье и одежде, т.е. о средствах самосохранения, почти столь же необходимых в холодном климате, как и пища; далее — защита от всякого рода опасностей и забота о потомстве, и, наконец, деятельность в областях сообщения и торговли. По сво-

ему значению для человеческого организма, удовлетворение всех важных, но все же второстепенных потребностей отступает на задний план перед первой и основной задачей добывания пищи. Можно

2. Коненоги или гиппоподы.

легко представить себе человека, живущего без таких приобретений, как кров и одежда, незнакомаго с употреблением денег и ничего не слышавшего об искусственных водных или сухопутных средствах сообщения. Но нельзя представить себе человека, существующего без пищи и питья. Для археолога и этнографа люди и народы, обходящиеся без всяких культурных достижений, — заурядное явление. Но существа, не нуждающиеся в пище и не стремящиеся добывать ее, поистине должны быть отнесены к баснословному царству „дивных людей“.

Характерно, что этому важному физиологическому значению заботы о насущном хлебе вполне

соответствует и ее культурно-историческое значение. Если именно хозяйство дало возникшему виду „человек“, в течение долгих, неподдающихся исчислению веков, возможность сохранить себя и физически совершенствоваться, — то опять таки хозяйство было сильнейшей побудительной причиной, основным стимулом всякого культурного прогресса. И можно с полной уверенностью предсказать, что эта роль побудителя сохранится за хозяйством и в грядущем, пока люди, вообще, вынуждены будут вести борьбу за существование.

Благодаря столь важной роли хозяйства для всех сторон общественной жизни, формы его издавна сделались предметом внимательного исследования со стороны науки. Ибо ничто не определяет с такой яркостью общего характера любой культурной формы, как способы удовлетворения естественных потребностей человека. „Скажи мне, что ты ешь, и я скажу тебе, что ты такое“. С этими словами можно обратиться как к отдельному человеку, так и к целым народам. Дикое племя, все мужчины, женщины и дети которого вынуждены изо дня в день спасать себя от голода, добывая пищу примитивным рыбачеством, охотой и собиранием всего мало-мальски съедобного, — такое племя вряд ли окажется деятельным участником культурного прогресса. Совершенно в ином положении окажется народ с более высокими формами хозяйства, благодаря которым труд добывания пищи для

всех предоставляется лишь части населения, между тем как остальные члены общежития могут отдаваться другим занятиям: ремеслам и промышленности, наукам и искусствам. А это очень важно, ибо, как мы увидим из дальнейшего, только путем разделения труда культура может достигнуть высшего развития.

Для успешной научной разработки вопросов человеческого хозяйства чреватым оказалось еще и другое обстоятельство. Второй период великих открытий, начавшийся в середине XVIII столетия и заканчивающийся в наши дни, вводил все новые и новые первобытные народы в круг наших научных исследований. При этом нам пришлось установить, что многие племена ведут образ жизни, мало отличающийся от образа жизни животных, среди которых они обитают. Другие племена, правда, тоже добывают себе пищу простым собиранием ягод и корней, охотой и рыболовством, но уже пользуются при этом довольно целесообразным оружием и снарядами. Далее мы видим народы, уже приступившие к первобытному разведению растений, и даже такие, которые занимаются уже скотоводством. Не должны ли были все эти данные навести исследователей на ту простую мысль, что здесь перед ними зеркало, отражающее весь ход развития человеческой культуры? На первых порах путь этого развития казался более крутым, чем длинным, и его попытались восстановить, приняв каждую низшую хозяйственную форму за переход-

ную ступень ко всем высшим. Стоило затем только последовательно расположить отдельные ступени развития соответственно их высоте, чтобы этим остроумным и простым приемом наглядно изобразить весь исторический ход человеческой культуры.

На самом верху лестницы, конечно, стоял гордый европеец, духовный и экономический повелитель мира. На самом низу ютилась жалкая группа народцев, живущих по окраинам обитаемой части земного шара: бушмены, огнеземельцы, австралийцы и тасманийцы — на юге; эскимосы — на севере; ведды, кубу, калифорнийцы и другие, — в средних широтах. Все

3. Грудоликие или блемии.

остальные народы земли размещались между этими двумя крайними ступенями лестницы соответственно уровню хозяйственного быта каждого из них.

Основатель учения о последовательных хозяйственных ступенях, известный экономист Фридрих Лист (1789—1846), принимает лишь три ступени. Охотники или рыболовы, скотоводы и земледельцы, — вот те три неизбежных стадии, через которые, по мнению Листа, прошли все выше стоящие народы вплоть до земледельческо-промышленных и земледельческо-промышленно-торговых.

В последующее десятилетие XIX века этот ряд удлинился. Благодаря более живой научной деятельности во всех частях земного шара знакомились все с большим числом первобытных народов, и немногочисленные ступени схемы Листа были подразделены на более мелкие, детальные подступени.

Так, Эрнст Гроссе в своем труде: „Формы семьи и формы хозяйства“ *) делает различие между низшими охотниками и другими — более высокого типа. Наряду с преобладающим большинством беднейших охотничьих племен, перебивающихся буквально изо дня в день находимой ими добычей, существуют немногочисленные племена, которые также не знают ничего, кроме охоты, рыбачества и собирания, но зато пользуются улучшенными приспособлениями и уже проявляют более или менее мудрую предусмотрительность в своих за-

*) Ernst Grosse: „Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft“. Freiburg in B. 1896. (Есть русский перевод.)

ботах о грядущем дне. К таким запасливым племенам Гроссе причисляет рыболовов северо-западного побережья Северной Америки, а также индейцев крайнего Севера и северных азиатов. С ними, равно как и с представителями низшего охотничьего типа, мы в дальнейшем познакомимся ближе.

Вторую ступень — скотоводства — и Гроссе оставляет неподделенной.

Что касается земледельцев, то они, по Гроссе, опять таки разделяются на высший и низший типы. Разницу между

ними он усматривает в следующем. В общекитах самых первобытных земледельцев разведением растений занято все население; у земледельцев же высшего типа возникает широкое разделение труда в том смысле, что собственно земледельческими работами занята лишь часть населения, а прочие жители работают в других отраслях производительного труда. Таким образом, по гроссеской

4. Большегубы.

схеме экономического развития, мы приближаемся вплотную к нашим европейским формам хозяйства.

Кроме классификации Гроссе, есть еще целый ряд других. Если Гроссе рассматривает хозяйственные формы в тесной взаимной связи с элементарными социальными формами,—особенно с формой семьи,—прямо обуславливая одни другими, то другой исследователь, Альфред Фиркандт*), строит свою систему на чисто психологической основе. Фиркандт исходит из следующих соображений. Человек есть существо духовное; поэтому, классификация всех сторон культурной жизни, чтобы быть полной и исчерпывающей, должна принимать во внимание духовную личность человека и руководиться чисто психологической основой. Ведь, в конечном счете, первопричиной всяких культурных благ и культурных достижений надо считать явления психической жизни, интеллектуальные процессы и волевые акты. Даже там, где мы имеем дело с простым заимствованием чужого культурного блага,—новая, непривычная форма также должна быть воспринята и усвоена психикой человека, прежде чем она будет в состоянии принести какую-либо существенную пользу. Соппротивление, оказанное крестьянами в XVIII веке введению в зем-

*) А. Vierkandt: „Naturvölker und Kulturvölker“. Leipzig, 1896. „Die Kulturformen und ihre Geographische Verbreitung“. Geograph. Zeitschrift, 1897. „Die Kulturtypen der Menschheit“. Archiv für Anthropologie. Band 25. Braunschweig, 1898.

ледение картофеля, — один из ярких примеров необходимости предварительного понимания значения заимствованного культурного блага.

Весьма широкую классификацию дает Альвин Оппель в своем прекрасном произведении: „Природа и труд“*). Оппель указывает на то, что все проявления человеческой жизни, при всей своей многочисленности и многообразии, имеют общий корень — поддержание существования или первичный инстинкт самосохранения. Вот почему все они тесно связаны между собою, взаимно обуславливаются и совместно образуют одно замкнутое целое. В дальнейшем Оппель расчленяет совокупность всех проявлений человеческой жизни на три разряда или на три круга деятельности, из которых каждый обладает известной самостоятельностью, имея целью либо поддержку определенной отрасли жизни, либо сохранение за человеком его места в остальном мире. Эти три круга деятельности и представляют собою хозяйственную или экономическую, общественную или социальную и духовную или идеологическую жизнь.

Согласно Оппелю, цель хозяйства — сохранение человека в качестве отдельного существа, особи; цель общества — сохранение человека, как вида. Духовная же жизнь охватывает всякую деятельность, выходящую за пределы хозяйства и общественных отношений; цель ее состоит

*) Alwin Opperl: „Natur und Arbeit“, 2 Bde. Leipzig, 1904.

в сохранении человека, как совершеннейшего из созданий.

Ссылаясь на совершенство именно человеческой природы, Оппель считает только человека обладателем духовной жизни. Этим он безусловно противопоставляет человека миру остальных живых существ. Духовная жизнь возвышает человека над всей природой и делает его своеобразным существом. Выражением этих исключительных прав человека являются: речь, способность закреплять помощью писем и изображений все виденное и продуманное и, наконец, совокупность приемов и искусств, порождаемых всеми тремя сторонами человеческой жизни: экономической, социальной и духовной. Вначале вся совокупность духовной жизни, по мнению Оппеля, представляет собой нечто единое и цельное, именно — религию. При дальнейшей эволюции знание отделяется от чувства и веры, и из него развивается наука. Из наивного чувства природы возникает искусство.

Если Оппель в своем определении понятия хозяйства решительно подчеркивает, как цель его, сохранение индивидуальной жизни, то, напротив, Карл Бюхер, в своей популярной работе: „Происхождение народного хозяйства“ *), придает в деле поддержки существования не менее важное значение и социальному, общественному началу. Хозяйство, — гласит определение Бюхера, — это сооб-

щество людей, связанных заботами о создании благ; это — предусмотрительная заботливость не только о данной минуте, но и о далеком будущем, расчетливое и целесообразное распределение и использование времени. Хозяйство означает труд, оценку вещей, преемственность культурных приобретений, передачу их из поколения в поколение. Бюхер — экономист, и вполне понятно, поэтому, что, при исследовании первичных начатков хозяйственной жизни, он пользуется позднейшей высшей формой народного хозяйства. Иными словами, наибольшее внимание он уделяет социальным основам хозяйства и пристальнее всматривается в те точки соприкосновения деятельности отдельных лиц, которые ведут к достижению общих целей. В соответствии со своею исходной точкой зрения, Бюхер отрицает существование народного хозяйства у большинства низших первобытных народов.

*) Karl Bücher: „Entstehung der Volkswirtschaft“.

2. ОСНОВЫ ХОЗЯЙСТВА.

Знаем ли мы что-нибудь достоверное о возникновении и первых стадиях человеческого хозяйства? И, вообще, будем ли мы когда-нибудь в состоянии точно узнать их? На оба эти вопроса следует ответить решительным „нет“. Для обоснования нашего мнения приведем несколько кратких указаний.

Каждая форма хозяйства, даже наивысшая, есть порождение окружающей природы. Где бы ни обитал человек, он всегда зависит от нее. В умеренных широтах он живет иначе, чем у полярного круга, а под тропиками — иначе, чем у нас. Чем примитивнее культура, чем ближе к первобытному состоянию хозяйство народа, тем более они зависят от природы.

Для современных культурных народов неурожай или падеж скота не являются роковым бедствием они спасаются от него, прибегая к доставке хлеба и мяса из самых отдаленных стран. Но жалкий бушмен осужден на неминуемую гибель, если он съедает последний дикий арбуз или если, вследствие засухи, подпочвенная вода оказывается вне досягаемости его походной трубки-насоса.

Таким образом, вопрос о первичной форме хозяйства является равносильным вопросу о том, где был очаг происхождения человечества, т. е. каковы были географическое положение и другие свойства этой местности? Оба эти вопроса занимали нас в шестой главе „Культуры бескультурных народов“, и мы пришли к выводу, что определение географического положения местности, где возник человеческий род, не поддается никакому точному разрешению, а в вопросе о других географических свойствах лучше всего придерживаться гипотезы Клаача. Согласно этой последней, человек появился впервые в местности, свободной от сильных хищников; только в безопасности от диких зверей наш предок мог спокойно совершить продолжительное и столь важное для него превращение из полусогнутой, лишенной естественных и искусственных средств самозащиты, четверорукой обезьяны в отвесно ходящего, но все еще безоружного двурукого человека.

Принимая это воззрение Клаача, мы, тем самым, устраняем еще одно затруднение. Существует мнение, что наши звероподобные предки были снабжены такими же сильными челюстями, какие мы видим у теперешних человекообразных обезьян. Но как тогда объяснить переход столь хорошо вооруженного для борьбы за существование вида к употреблению искусственного оружия и вообще утвари? При наличности снабженной острыми зубами челюсти, как боевого органа, что могло

74784K

послужить побудительной причиной к изобретению оружия и орудий? Теория Клаача легко справляется с этим затруднением, обуславливая появление искусственных культурных приобретений у нового безоружного двуногого существа исключительно наступлением менее благоприятных для него условий жизни. И действительно, какие многозначительные последствия должно было повлечь за собой для первых людей близкое соседство более сильных животных, для одоления которых уже недостаточно было голых рук и даже крепких зубов! При этом безразлично, переселился ли человек в новую опасную среду, оказавшуюся для него столь благотворной, или же непривычные враги сами вторглись в его исконные владения. Когда человек впервые схватил камень или палку, движение его было инстинктивным, быть может, даже рефлекторным. Лишь позднее он стал вести борьбу сознательнее и с более совершенным оружием.

Таким господством рефлекса и инстинкта обыкновенно характеризуются и низшие ступени человеческой хозяйственной жизни. В первом издании своей „Общей и частной экономической географии“ *) профессор Эрнст Фридрих талантливо выявляет перед нами самые первые начатки хозяйства, удачно подчеркивая заодно сходство и различие между человеком и животным.

*) Ernst Friedrich: „Allgemeine und specielle Wirtschaftsgeographie“. Leipzig, 1914.

Фридрих исходит из того факта, что природа всегда оказывает человеку известное сопротивление. Не давая ему возможности создавать новые вещества и новые силы для нужд его хозяйственной жизни, она, с другой стороны, принуждает его к целесообразному воздействию на уже существующие вещества и силы. Эту необходимость преодоления природы Фридрих называет „принудительной силой природы“. Величина этой силы зависит от естественных богатств данной среды и бывает тем значительнее, чем последняя скуднее.

И как это ни странно на первый взгляд, животному также приходится преодолевать эту принудительную силу природы. Правда, мы обыкновенно выносим такое впечатление, будто животное пассивно принимает природу такую, какая она есть. Нам кажется, что, в отличие от человека, животное целесообразно ничего не изменяет в природе, а лишь „собирает“, причем возникающий расход возмещается воспроизводящею силой природы. О каком-либо хозяйстве, экономике, здесь, в мире животных, будто бы, не может быть и речи.

Но это не так. И в мире животных происходит непрерывное преодоление природы, но только животное преодолевает ее путем приспособления собственного организма. Из многих примеров такого чисто телесного приспособления укажем на следующие. Широко распространено среди животных накопление толстого подкожного жира в виде запаса на холодное и голодное время года.

Этот жировой слой служит одновременно сберегателем тепла и продовольственной кладовой, т.е. источником для внутреннего обмена веществ. Зимняя спячка делает свое дело, помогая животному обходиться без пищи. Почти у каждого животного мы видим либо пушистый мех, либо густое оперение, защищающее его от непогоды. Точно так же большинство животных, до известной степени, независимы от условий определенной местности, благодаря возможности передвижения, т.е. благодаря обладанию бегательными, летательными и плавательными органами. Мы видим, что чисто физическим приспособлением животные и растения все же реагируют на воздействие окружающей природы. Это приспособление совершается у них без всякого участия сознания; напротив, вначале оно чисто рефлекторное и лишь в дальнейших степенях развития переходит в инстинктивные действия.

У человека дело обстоит следующим образом. В конечном счете, он также реагирует телесно, так как развитие его мозга, обуславливающее всякий дальнейший прогресс человеческой расы, представляет собою также физиологическое явление. Разница состоит, однако, в том, что мозг дает человеку возможность превращать телесное приспособление во внетелесное, проявляющееся в изобретении утвари, орудий и оружия. Это основное различие между приспособлением животного и человека можно выразить так: животным присуще чисто телесное приспособление, поро-

ждаемое рефлексам и инстинктами; человеку же свойственно приспособление, в котором тело не играет роли, но которое проявляется в применении определенных искусственных орудий, освобождающих человека от естественных условий среды, совершенно в иной степени, чем это доступно для животного и растения с их скромными возможностями. Несколько положений, поставленных для сравнения рядом, еще нагляднее поясняют это различие.

Животное накапливает жир.

Животное защищает-ся от холода мехом или оперением.

Животное приспособляется к своему зрению к окружающим его условиям места.

Животное развивает свои бегательные, летательные или плавательные органы.

Человек накапливает запасы.

Человек приспособляет свою одежду к данному климату.

Человек добывает осветительные материалы.

Человек изобретает средства сообщения по суше, воде и воздуху.

Совокупность этих внешних мероприятий, проводимых человеком для удовлетворения его потребностей, и составляет, повторяем это, сущность того, что мы называем хозяйством. Оно состоит, выражаясь общепонятным языком, не в самом со-

стоянии сытости, а в принятии мер и в изыскании средств для питания.

На основании изложенного можно задать вопрос: не отделяет ли человека от животного непродолимая бездна? По старым воззрениям, несомненно — да, но, по выводам современного естествознания, отнюдь — нет. Наука открыла нам обширную переходную область, в которой мы находим, с одной стороны, многочисленные виды животных, пользующихся в борьбе за существование искусственными приспособлениями и обладающих, следовательно, начатками настоящего хозяйства, а с другой — человека, сохранившего многочисленные черты былой животной способности к чисто физическому приспособлению.

Трудно перечислить все виды животных, делающих запасы на скудное время года с заботливостью домовитой хозяйки. Сюда относятся лесной ворон, белая куропатка, хомяк, альпийский и степной сурок, белка, полярная лисица, степной байбак и многие другие. Как справедливо подчеркивает Фридрих, все они являются обитателями умеренного или холодного климата, и это доказывает лишний раз, как велика побудительная сила нужды. При помощи сырья, добытого из собственного тела, наши пауки выделяют чисто внешние искусственные снаряды. Их „силки“, т. е. паутина, точно так же, как и капканы человека, работают во время отсутствия владельца. Один из видов бразильских пауков еще более человекоподобен. Свою посто-

янную треугольную сеть он натягивает перед восходом солнца, ловит в полутьме насекомых, затем сворачивает свою паутину, а добычу уносит в свое потаенное убежище.

На еще более высокой хозяйственной ступени стоят животные, занимающиеся земледелием и скотоводством. Муравьи очищают лужайки с определенными видами трав от „сорных“ растений, чтобы собирать нужные им зерна; другие виды муравьев держат листовенную тлю в качестве домашнего животного для производства меда и даже сооружают для нее хлева. Есть, наконец, виды муравьев, которые разводят грибные плантации, требующие более тщательного ухода, чем наши огороды.

Оса-каменщик захватывает в свое гнездо других насекомых, предварительно парализуя их нервную систему одним или несколькими укусами жала. В таком состоянии несчастные пленники служат пищей для новых выводков ос. Г. и Э. Пекхам рассказывают о хищной осе, которая таким же способом парализует личинки бабочек, кузнечиков, саранчи и т. п., чтобы затем сохранить их в вырытой в земле ямке для своего юного поколения. Обыкновенно отверстие такой пещерки заклинивается камешком, поверх которого оса наносит песок, выравнивая его своей головой. Таков ее обычный способ работы; но в одном случае исследователям удалось наблюдать, как оса производила это выравнивание не головой, а при по-

мощи камешка, зажатого между челюстями. (Рис. 5.) От времени до времени, оса бросала свою трамбовку в сторону, приносила еще песку, снова схватывала камешек и продолжала утаптывать им поверхность земли. Три раза подряд насекомое повторило этот удивительный прием.

Таковы проявления хозяйственной деятельности в мире животных. С другой стороны, человек сохра-

5. Оса-каменщик, работающая камешком, как трамбовкой.

нил много из своей первоначальной способности физического приспособления, не прибегая для этого к помощи искусственных орудий. Примером может служить способность дикарей посредством приспособления к окружающей среде скрывать

от своих преследователей. О вымерших в 1876 году тасманийцах рассказывают, что они умели среди белого дня и в открытой местности превращаться как бы в невидимок, застывая в неподвижности и придавая себе сходство с обугленным древесным пнем, потемневшим валуном и т. п. Карликовые племена первобытных лесов средней Африки также умеют бесследно исчезать за самым маленьким кустом, даже за одним большим листом тропической флоры. Другая способность, свойственная многим народам, заключается

в их умении пользоваться ногами в качестве рук: схватывать пальцами ног различные предметы, натягивать лук, совершать кражи и т. п. Наконец, общераспространенной, чисто животной чертой является присущая многим племенам склонность заимствовать все вкусное и съедобное из рога изобилия природы, ничего не делая предварительно для производства этих даров.

При этом, конечно, мы вспомним, прежде всего, повадки „дикарей“, не думая о том, что сами мы делаем то же самое, когда срываем мимоходом лесную ягоду или вылавливаем рукой рыбу из ручья; лишь срывая ягоду из собственного сада или заманивая рыбу в сеть или на удочку, мы вступаем в область уже недоступную для животного.

В полном соответствии с основной мыслью Фридриха о принудительной силе природы находится его классификация хозяйственных форм и хозяйственных ступеней, дополненная классификацией хозяйственных поясов. Фридрих старается определить, насколько та или другая хозяйственная группа освободилась из-под принудительного ига природы, причем пользуется преимущественно масштабом физиологии и психологии животных. По его мнению, первые попытки хозяйственной деятельности человека — также чисто рефлекторные и инстинктивные действия, так как действующее лицо совершает их почти бессознательно. Только позднее решающим фак-

тором хозяйственной жизни становится опыт, преемственно передаваемый из поколения в поколение. Высшим и последним венцом является новейшее культурное достижение — наука.

Обе низшие ступени хозяйства Фридрих называет ступенью животного и ступенью инстинкта; третью ступень он называет ступенью накопления опыта или традиции; четвертая хозяйственная ступень — это ступень науки. На животной ступени царит всецело физическая приспособляемость; приспособление посредством искусственных орудий еще не развито. Люди ищут животную и растительную пищу только там, где ее непосредственно предлагает природа; они собирают плоды, клубни, корни, червей, улиток и гоняются за животными, пока не доведут их до полного изнеможения. Зависимость этих первобытных людей от природы сильно колеблется в разные времена года. Они живут в изобилии во время созревания съедобных плодов и голодают в течение остальных месяцев. Животных же они подстерегают в то время, когда стада меняют свои пастбища. Таким образом для первобытных людей, как и для животных, устанавливается необходимость откармливаться в хорошее время года и такая же необходимость — умело голодать в скудное время. На этой стадии хозяйства откладывание запасов совершенно не встречается. Вследствие этого невозможны ни оседлость ни более или менее значительная густота населения.

Появление и усовершенствование орудий делает борьбу за существование более успешной; человек оставляет форму чистого собирания и переходит к хищническому хозяйству; он начинает истреблять в области своих скитаний полезные растения и зверей, не заботясь о сохранении их юного поколения. Этим он вредит самому же себе, ибо, уничтожая беспощадно даяния природы, он тем самым сокращает свои средства к существованию и часто впадает в нужду. Но последняя, с другой стороны, является конечной причиной всякого прогресса: она толкает человека вперед, побуждая его к изобретению все более и более совершенных орудий. Чистый рефлекс оказывается преодоленной ступенью; начинает господствовать инстинкт. Но Фридрих считает проявлениями инстинкта большое число таких орудий и средств, которые, при ближайшем рассмотрении, едва ли могут быть совместимы с понятием инстинкта. Таковы, например, охотничьи собаки некоторых племен, капканы, сани, упряжные животные, гребные или парусные лодки и т. п. Фридрих пытается втиснуть в тесные рамки инстинктивного хозяйства даже сложные приемы консервирования мяса и рыбы, дубления и обработки пищевых веществ огнем и т. п.

Другим сопутствующим явлением на той же хозяйственной ступени следует считать переход к земледелию, скотоводству и людоедству. Земледелие легко возникает из забавы или благодаря случаю и быстро приводит к той форме неглубо-

кой обработки почвы, которая в настоящее время называется мотыжным земледелием. Дальнейший прогресс состоит в том, что человек, во избежание голодовок, выращивает одновременно поспевающие плоды и начинает делать запасы. Скотоводство также вначале очень первобытно, так как скот пасется круглый год там, где находит корм. Всякие заботы о заготовке зимнего корма еще отсутствуют. Наконец, людоедство, вызываемое физиологической потребностью человека в мясе, возникает, по Фридриху, у народов с усиленным приростом в тех случаях, когда дикие животные истреблены (как это, например, оказалось в Новой Зеландии) и когда скотоводство почему-либо невозможно, а другого мяса, кроме человеческого, также не добыть.

Несравненно более широкую основу жизни, чем голый инстинкт, дает накопление опыта, передаваемого устно и письменно из поколения в поколение. Первобытный земледелец, вооруженный лишь мотыгой, научается ценить удобрение и искусственное орошение, а также различать более ценные виды животных и растений. Скотовод воспитывает для пустыни верблюда, для плоскогория — яка; в других местах — лошадь, мула, буйвола, козу и овцу. Он разводит, как это делает китаец-свиновод, скороспелые разновидности, меняет пастбища, заготавливает запасы корма для домашних животных и извлекает из них всяческую пользу. Но все это еще делается без критического

разбора и ненаучно, а единственно по дедовским правилам и без каких-либо прогрессивных намерений.

Наконец, научная ступень хозяйства обеспечивает человеку самую надежную и прочную основу жизни. Эта ступень покоится на эксперименте и работает при помощи всех средств химии, физики и физиологии животных и растений. Она считается с климатическими условиями, проводит систематическую обработку почвы, уделяет особое внимание рациональному удобрению земли и заботится о домашних животных не меньше, чем о благосостоянии самого человека, — словом, она пользуется всеми средствами современной высокой культуры.

Система Фридриха построена чрезвычайно талантливо и проведена последовательно. Прежде всего, она исходит из исторически правильной эволюционной точки зрения, согласно которой наше хозяйство возникло из дочеловеческого прошлого наших предков. Применима ли, однако, эта система и к условиям настоящего времени, или хотя бы к условиям жизни самых низших из современных первобытных народов, — это еще вопрос. Ведь, слишком высок возраст человеческой расы, и притом самые низшие народы современности располагают, ведь, столь же древней, если и не столь богатой сокровищницей опыта, как и высшие культурные народы. Беглый обзор интересной жизни первобытных народов более или менее осведомит нас в этом вопросе.

3. ХОЗЯЙСТВО БЕДНЕЙШИХ НАРОДОВ СОВРЕМЕННОСТИ.

В обширных первобытных лесах средней Африки, скрываясь в непроходимых дебрях и чащах, живут орды малорослых людей, которых древние греки называли „пигмеями“, а современные этнографы называют „карликами“.

Без прочной оседлости, без каких бы то ни было зачатков земледелия, скитаются они по широким окраинам лесов в глубине южного Камеруна и Лоанго. Следуя за дичью вдоль широких извилин реки Конго, пигмеи доходят до северо-восточных границ того огромного первобытного леса, который покрывает центральную Африку к западу от озер Альберта и Альберта-Эдуарда. По пути они собирают дикие плоды и грибы, но и поля своих великорослых соседей, негров, они также считают своей собственностью. Тайком или под защитой своих страшных стрел, пигмеи похищают у негров злаки, бобы, овощи и вообще все виды недостающей им растительной пищи. Опустошив поле, орда, точно рассеянная ветром, исчезает в лесу, чтобы неожиданно появиться где-нибудь в другом месте.

Таким образом, хозяйственный быт этих карликовых племен, согласно определению Фридриха,

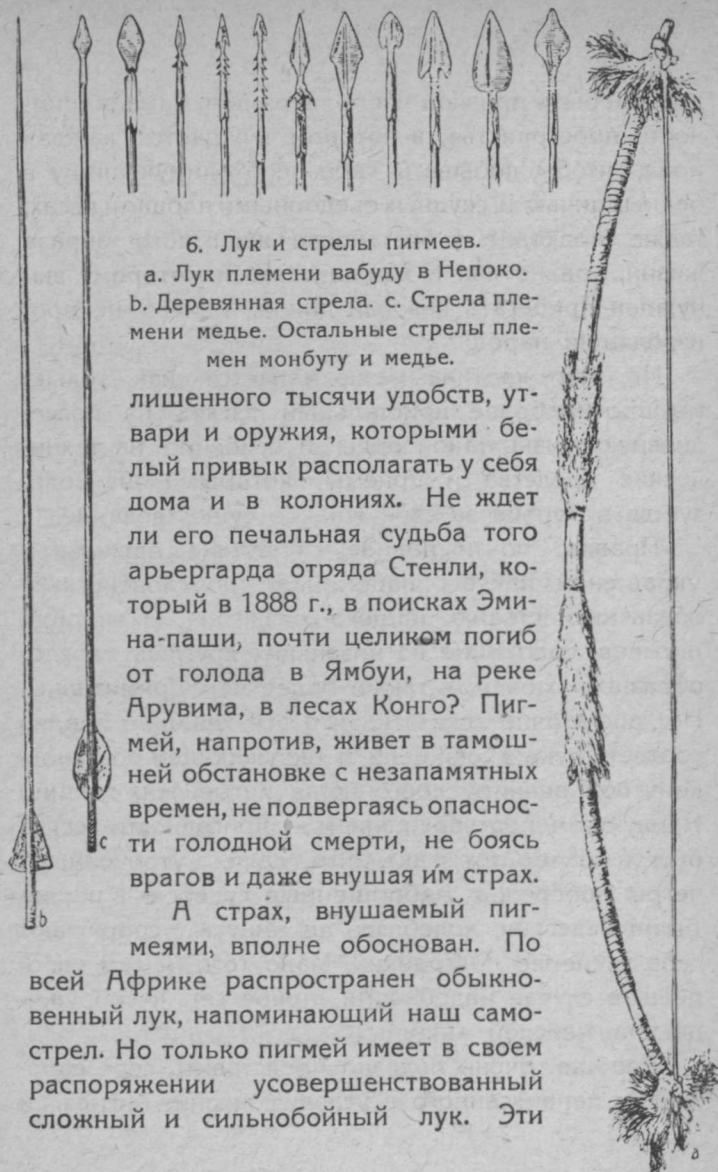
должен быть признан чисто звериным. Сама обширность пространства, в котором нуждается каждая орда, чтобы добывать себе необходимую пищу в бедных дичью и скудных съедобными плодами лесах, также подходит к обстановке животного образа жизни, равно как и хищничество, к которому вынужден прибегать каждый дикий, ничего не производящий народ.

Но зато картина резко меняется, как только мы бросим более пристальный взгляд на повседневную жизнь такой орды и особенно на технические средства и приемы, которыми она пользуется в борьбе за свое жалкое существование.

Правда, почти полное отсутствие одежды и украшений как бы напоминает дочеловеческую, обезьянью стадию нашего развития, а жилища пигмеев, состоящие из низеньких круглых гнездообразных хижин, — также более чем примитивны. Но достаточно сказать, что эти хижины вполне соответствуют своей цели и окружающей обстановке, чтобы оценить достоинства пигмейских жилищ. Наилучшим подтверждением их пригодности всегда был и будет тот факт, что даже „утонченные“ негры побережья, заброшенные судьбою в первобытный лес, не колеблясь ни минуты, сооружают себе такие же постройки. Мало того, и сам европеец, в случае надобности, прибегает к сооружению пигмейской хижины.

Вообще очень полезно представить себе европейца, перенесенного в условия жизни пигмея, и

6. Лук и стрелы пигмеев.

а. Лук племени вабуду в Непоко.
б. Деревянная стрела. с. Стрела племени медье. Остальные стрелы племен монбуту и медье.

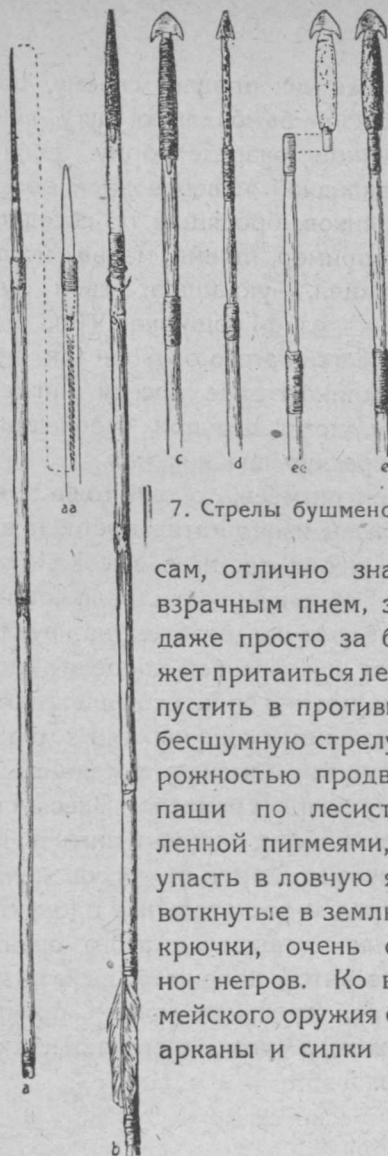
лишенного тысячи удобств, утвари и оружия, которыми белый привык располагать у себя дома и в колониях. Не ждал ли его печальная судьба того арьергарда отряда Стенли, который в 1888 г., в поисках Эмина-паша, почти целиком погиб от голода в Ямбуи, на реке Арувима, в лесах Конго? Пигмей, напротив, живет в тамошней обстановке с незапамятных времен, не подвергаясь опасности голодной смерти, не боясь врагов и даже внушая им страх.

А страх, внушаемый пигмеями, вполне обоснован. По всей Африке распространен обыкновенный лук, напоминающий наш самострел. Но только пигмей имеет в своем распоряжении усовершенствованный сложный и сильнобойный лук. Эти

качества маленький охотник придает своему оружию тем, что снабжает бамбуковую дугу лука, имеющую в поперечном разрезе форму полулуночки, деревянной вкладкой и веревочной обмоткой. Иные орды карликов, бродящие по соседству с неграми, — как, например, племя медье, исследованное Эмином-пашей, — украшают свои луки бахромой из меха и железной обшивкой. (Рис. 6 а.)

Баллистическое действие этого оружия так безукоризненно, что великорослые соседи пигмеев заимствовали их лук, хотя он, при своей длине в 80 сантиметров, чересчур для них мал.

Что касается стрел пигмеев, то они тоже представляют собою образец изобретательности, и выделка их у некоторых орд достигла высокой степени совершенства. Первоначально стрела состоит лишь из заостренной палочки, похожей на неуклюжую вязальную иглу и смазанной спереди ядом. У многих карликовых племен области Уэлле стрелы уже снабжаются железными наконечниками, которые пигмеи приобретают путем обмена у соседних негроидов, знакомых с кузнечным ремеслом. Здесь установился своего рода симбиоз, причем пигмеи доставляют мясо и получают взамен от негров железные наконечники стрел и растительные продукты. До чего доходит тонкость выделки этого оружия видно по рис. 6. Бросается, например, в глаза, что так называемое перо стрелы не просто прикреплено к концу стержня, а туго защемлено в соответствующий разрез.

7. Стрелы бушменов.

сам, отлично зная, что за самым невзрачным пнем, за любым кустом или даже просто за большим листом может притаиться лесной бесенок, готовый пустить в противника свою коварную бесшумную стрелу. Со страхом и осторожностью продвигался отряд Эмина-паши по лесистой местности, населенной пигмеями, постоянно опасаясь упасть в ловчую яму или наступить на воткнутые в землю острые деревянные крючки, очень опасные для босых ног негров. Ко всем этим видам пигмейского оружия следует еще добавить арканы и силки для ловли дичи.

Но и в других отношениях эти маленькие лесные бесенята также прекрасно вооружены. Доктор Штульман рассказывает о том крайне жутком чувстве, которое испытывали участники его отряда во время переходов по африканским ле-

Такова форма хозяйства этих наиболее первобытных из туземцев Африки. Можно ли, спрашивается, рассматривать ее как животную стадию, в которой господствуют исключительно рефлекс и инстинкт? Как связать такую изобретательность при выделке луков, стрел и прочей охотничьей утвари с понятием об образе жизни животного? Как объяснить высокую степень симбиоза, которую можно вполне считать первичной, зачаточной формой торговли? Наконец, что касается беспечности насчет завтрашнего дня или того отсутствия заботливости, которое Бюхер считает мерилом отсутствия хозяйства у первобытных народов, то и тут нам не мешает присмотреться внимательно к происходящему вокруг нас, особенно в больших городах. Как много горожан еще не уверены утром в том, что они будут сыты днем и найдут себе на ночь приют для отдыха и сна.

А вот и другая картина из хозяйственной жизни беднейших народов. Со времени появления описания путешествий Густава Фрича: „Туземцы южной Африки“, *) бушмены прослыли во всей этнографической литературе, как „злополучные дети, живущие мгновеньем“. И в самом деле, совершенно „звериным“, в смысле Фридриха, оказывается тот способ, которым бушмен добывает себе пропитание. Он ест и пьет все, а в отношении жилья стоит даже ниже большинства животных видов,

*) Gustav Fritsch: „Die Eingeborenen Südafrikas“. Breslau. 1872.

так как после целого дня скитания или охоты не ищет себе крова, а просто растягивается под первым попавшимся кустом, сплетая его ветви наподобие крыши. Бушмен не откладывает запасов по той простой причине, что не знает, откуда их брать и где и как их сохранять. В отношении одежды он также довольствуется лишь самым необходимым. Словом, он ведет в полном смысле „собачью жизнь“, да и то не нашего избалованного аристократа, европейского пса, а жалкой африканской собаки-пария.

Бушмен отличается поразительной тонкостью слуха и такой же остротой зрения. Правда, оба эти преимущества у него чисто животного свойства, но какой был бы в этих преимуществах прок, если бы бушмен не умел применять их при пользовании оружием. Рис. 7 *a—e* изображает несколько различных видов бушменских стрел, строение которых зависит от того, предназначаются ли они для крупной или мелкой дичи, или же для человека. Простейшей формой является и здесь заостренная спереди палочка: такой стрелой убивают мелких животных, птиц и ящериц. Шилообразные костяные наконечники, вроде изображенных на рис. 7 *a*, предназначаются для более крупной дичи. Обычно наконечники, смазанные ядом, хранятся острием внутрь в полом тростниковом древке стрелы (*aa*). Только непосредственно перед выстрелом охотник переворачивает наконечник острием наружу. Наконечники *c*, *d*, *e* состав-

влены из отдельных частей; упругие крючки *b* и *c* служат для того, чтобы удержать острие в ране при попытке извлечь стрелу. У самой сложной стрелы *e* наконечник, при малейшей попытке извлечь его из тела, распадается на части, так как здесь острие лишь слегка вставлено в смазанную ядом деревянную часть, а последняя, в свою очередь, изящной тростниковой муфточкой легко соединена с костяным стержнем. Несколько лет тому назад я посвятил монографию стрелам африканцев *) и пришел к заключению, что высшие образцы бушменской стрелы являются технически совершеннейшим, а тактически наиболее действительным оружием, которое когда-либо было изобретено туземцами Африки.

Бушмен превосходит всех остальных африканцев также своим умением выбирать и составлять яды для стрел. Основой этих ядов служит клейкий сок многих растений, как, например, луковицы ядовитого амарилиса (*Haemanthus toxicaria*), различных видов молочая (*Euphorbia tetragona* или *candelabrum*), некоторых разновидностей акаций (*Acacia horrida*, *Acacia detinens*) или баугинии (*Bauhinia esculenta*). Собственно смертельной, и притом быстро действующей, составной частью отравы является змеинный яд или густая жидкость, выдавливаемая на острие стрел из личинки насекомого, называемой „нгва“. Обычно, к общему вооруже-

*) K. Weule: „Der afrikanische Pfeil“. Leipzig. 1899.

нию и снаряжению бушмена принадлежит палочка с комком смолы, пропитанным отравой. Достаточно перед самым выстрелом обмакнуть наколечник стрелы в этот липкий комок, чтобы нанесенная рана оказалась смертельной.

Фрич дает почти драматическое описание того, как бушмены и бушменки добывают змеинный яд. Более всего ценятся для этой цели ехидна (*Echidna arietans*) и очковая змея (*Cobra capella*). Опасное пресмыкающееся уколами доводят до крайней степени ярости, чтобы заставить его выделить возможно больше яда, а вслед затем убивают его. В чтении это кажется крайне простым, но кто знает хищность, силу и быстроту большинства ядовитых змей, знает также, что не так-то легко схватить змею за хвост и наступить ей на голову босой ногой, как это делает бушмен. Фрич был очевидцем того, как бушменка ухватила за хвост встретившуюся ей в воде почти саженную очковую змею и благополучно вынесла ее на берег, несмотря на то, что пресмыкающееся со страшной силой извивалось, стараясь схватить женщину сбоку.

Но если, в качестве охотника, бушмен проявляет себя полным властителем природы, то в остальном его поведении мы находим пеструю смесь высоко развитого житейского искусства с чисто звериными повадками. Он пьет и ест, когда представляется случай, с удивительной невоздержанностью. Он совершенно равнодушен как к своей собственной, так и к чужой жизни. Во время своих

плясок и пиршеств он забывает все на свете. Этим прежде пользовались отряды буров, выступавшие время от времени, чтобы пострелять по ненавистным им бушменам, угонявшим их скот. Для своих набегов буры предпочтительно выбирали время бушменских празднеств. Но, с другой стороны, те же бушмены во время своих кочевек остерегаются вступать в запретную область, занимаемую другой семьей. Эта характерная черта свойственна не одним бушменам, а также австралийцам и цейлонским веддам. Бушмен ловко вытаскивает своими крючковатыми палками земляных зайцев и птиц-носорогов, или туканов, из их нор и гнезд. Чисто звериным является упомянутый мною выше способ охоты бушменов в жаркие дни без всякого оружия. Обыкновенно охотник гонит добычу по направлению к своему товарищу. Не давая животному передышки, второй охотник продолжает преследование в сторону третьего ловца. Так продолжается травля до тех пор, пока обессиленное животное, лишенное возможности поесть, попить или отдохнуть, делается добычей последнего охотника. К этому жестокому для обеих сторон способу охоты бушмены нередко прибегают, охотясь и в одиночку. Своеобразным вспомогательным средством во время такой продолжительной гоньбы служат у некоторых племен крошечные кожаные сандалии с клювообразными носками, загнутыми книзу под подошву. Долго ломали себе голову в догадках о назначении этих сандалий. Теперь

известно, что загнутые клювом носки облегчают бег по сыпучим пескам. (Рис. 8.)

В настоящее время обильная дичь, которою в былые времена была столь богата южная Африка,

8. Охотничьи сандалии бушменов.

исчезла, и бушмен, в силу необходимости, стал скорее собирателем, чем охотником. Располагая обширными пространствами, он имеет одновременно как бы два жилья. В декабре, с наступлением дождливой поры, вся орда направляется в песчаную степь, где в это время года она находит в изобилии дикие овощи и зачастую

значительное количество дичи. По окончании дождей, отдельные семьи снова уходят одна за другой в свои обособленные постоянные участки или охотничьи кочевья.

Плохо приходится бушмену, когда запас диких арбузов в песчаной степи преждевременно истощится. Эти богатые водой плоды составляют в настоящее время его главную пищу. Даже немногочисленные орды нуждаются в громадном коли-

честве арбузов. В среднем, бушмен съедает до 20-ти арбузов ежедневно; следовательно, в месяц семья в 10 человек съест до 6-ти тысяч, а орда в 100 человек — не менее 60-ти тысяч плодов.

По истощении запаса арбузов, бушмен выходит из затруднения, прибегая к своим трубкам-насосам. С большим трудом он пробивает в твердой почве глубокое отверстие, добываясь до подпочвенной влаги. В это отверстие он вставляет узенькую трубку, нижний конец которой обернут веретенообразно пучком травы. По свидетельству Пассарге *), бушмен плотно закупоривает отверстие вокруг трубки, чтобы получить в своем узеньком колодце безвоздушное пространство, после чего, с неукротимой жадностью, припадает к верхнему концу трубки и начинает сосать. Подчас это бывает легкая, но нередко весьма тяжелая задача, так как, по словам того же наблюдателя, сосущему приходится выкачать весь воздух, находящийся под песчаной пробкой. В этот безвоздушный иди, вернее, разреженный колодец проникает влага из окружающих его слоев почвы и постепенно втягивается наверх. Лично я несколько сомневаюсь, может ли песок служить совершенно плотным затвором, и объясняю просачивание воды из прилегающих слоев скорее стремлением ее скопиться вследствие тяжести в глубине. Во всяком

*) S. Passarge: „Die Buschmänner der Kalahari“. Mitteilungen aus den deutschen Schutzgebieten. Band 18. Berlin, 1905.

9. Насосы бушменов.

случае, такая процедура высасывания воды мало приятна и требует своего рода геройства в тех случаях, когда приходится набрать скудной влаги и для остальных членов семьи. С необыкновенным искусством сосуший отводит воду изо рта по соломинке в пустое страусовое яйцо, служащее обычно водохранилищем (рис. 9 а—с). В нормальные годы бушменам удается пережить это тяжелое время. Но горе им, если в засушливые годы подземная вода опустится так глубоко, что хлопотливое устройство временных насосов-колодцев уже не достигает цели. В такие годы многочисленные орды могут погибнуть от недостатка воды, как это и было в последний раз в 1892—93 годах.

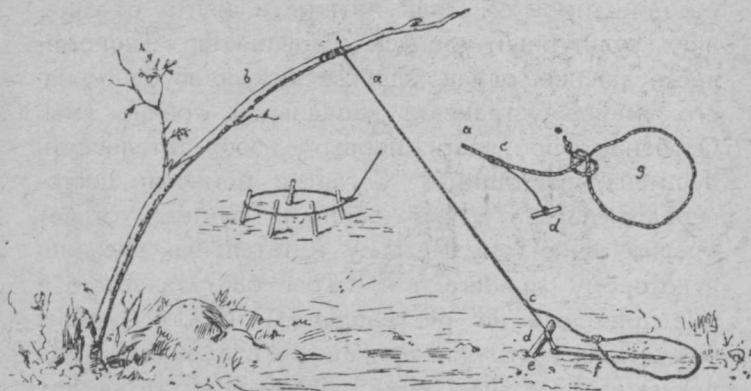
Для полноты картины следует еще указать на склонность этого замечательного народца к искусству. Стены пещер и горных впадин южной Африки разрисованы бесчисленными изображениями животных и человека, причем техника этих рисунков долгое время казалась совершенно несовместимой со столь низким, в других отношениях, культурным уровнем художников. Экономически важнее, однако, другое искусство бушмена: его умение устраивать капканы и ловчие ямы. Особенно по части первых изобретательность бушмена неистощима. Согласно немногим достоверным литературным данным, бушмен отдает предпочтение тому же виду метательных виселиц, к которому прибегают и негры банту и который мне пришлось не раз наблюдать на юге бывших германских восточно-африканских владений *). Как показывает рис. 10-й, заимствованный из статьи лейтенанта Генца в 83-м томе „Глобуса“, означенные капканы приводятся в действие следующим образом. Бечевка *a* толщиной в 4—5 миллиметров, оканчивающаяся простой петлей, привязывается другим концом к согнутому упругому молодому дереву или к ветви. К снабженному петлей концу бечевки *a* прикрепляется посредством коротенькой

*) K. Weule „Wissenschaftliche Ergebnisse meiner ethnographischen Forschungsreise in den Südosten Deutsch. Ostafrika“. Ergänzungsband № 1 zu den Mitteilungen aus den deutschen Schutzgebieten. Berlin, 1908.

K. Weule „Negerleben in Ostafrika“. 2 Auflage. Leipzig, 1919.

и тоненькой веревки *c* деревянная поперечная палочка *d*. Веревка *c* обхватывает косо-воткнутый в землю колышек *e*. Для того, чтобы она не соскользнула с колышка, в землю вкапывается плоский деревянный брусок *f*, упирающийся в свободный конец поперечной палочки *d*. Петля

10. Метательная виселица бушменов в Калагари.

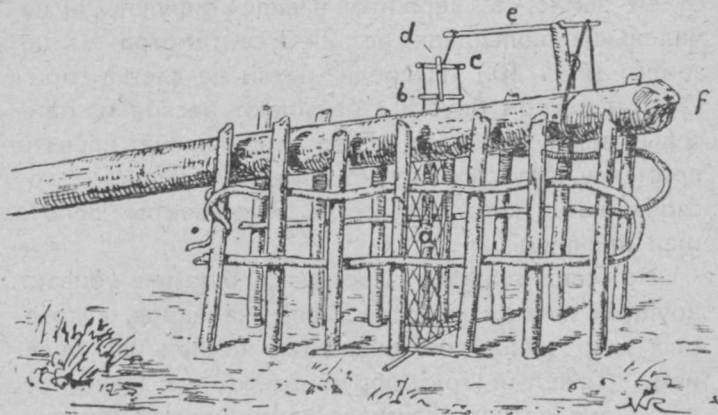
g раскладывается на поверхности земли над закопанным бруском *f*. Животное, идущее привычной дорогой к водопою или к местам залежи столь любимой им соли, лишено возможности миновать эти петли, благодаря набросанным по обеим сторонам дорожки колючим веткам. Оно невольно наступает на прикрытый земле брусок *f*, который меняет положение и освобождает палочку *d*; веревка *c* соскальзывает с колышка *e*, и с размаха выпрямляющееся дерево затягивает петлю вокруг

ноги животного. Подоспевший охотник убивает его без пощады ударами своего вырезанного из твердого дерева „кирри“. Для птиц, — например, для различных видов семейства куриных, голубей и т. д., — бушмен изготавливает подобные же силки. Разница лишь в том, что здесь петля не лежит на самой земле, а держится в виде окружности на маленьких колышках на 2—3 сантиметра выше земли. (Рис. 10.) Посреди петли на слегка прикрытом песком бруске *f* насыпают несколько маисовых зерен или ягод. Едва птица начнет клевать приманку, брусок *f* меняет свое положение, и соскочившая с колышка петля затягивается вокруг шеи пленницы.

По свидетельству Пассарге, бушмен убивает крупных животных посредством капканов, в которых удар наносится падающим камнем или бревном. Тяжелый груз обрушивается на животное, когда оно дотрагивается до приманки или бечевки, натянутой таким же способом, как мне приходилось наблюдать в восточной Африке. (Рис. 11.) На рисунке 11 *a—b* изображен такой капкан в области Ровумы. Едва животное ткнется носом в натянутую между кольями сеть *a*, последняя подается вперед, причем ее верхний край оттягивается книзу. Вследствие этого перекладинка *b*, удерживающая палку *c* в равновесии, соскальзывает вниз вдоль брусочка *d*, а палка *c*, лишившись опоры, перевортывается и выводит из равновесия рычаг *e*. Длинный конец последнего направляется вверх, а

с короткого конца соскальзывает петля, удерживающая бревно *f*. Последнее падает и придавливает своей тяжестью несчастное животное.

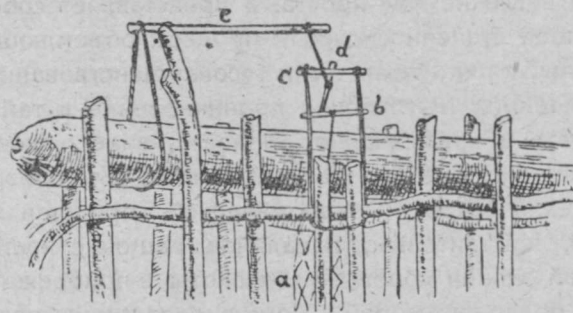
Перечень народов, живущих в настоящее время, по мнению Фридриха, в обстановке низшего животного хозяйства, может быть значительно удлинен.

11а. Капкан в области Ровумы.

К ним относятся также: австралийцы, тасманийцы (окончательно вымершие лишь в 1876 году), туалы на острове Целебесе, кубу на острове Суматре, ведды на Цейлоне, минкопы на Адаманских островах, семанги и сенои на Малакке, пунаны и отына Борнео, негритосы на Филиппинских островах и, наконец, огнеземельцы, ботокуды, бароро и многие калифорнийцы в Америке. Все эти народцы своими способами добывания пищи напо-

минают животных. Ни у одного из них не удалось установить никаких форм активного воздействия на природу, никакого земледелия или скотоводства, — вообще ничего из того, что экономисты называют производством. Но, с другой стороны, эти же народцы уже обладают известной техникой; каждый из них имеет в своем распоряжении оружие, кое-

11б. Механизм капкана в области Ровумы.

какие изобретения, и все они уже усвоили себе известные технические приемы и знания. Все это в значительной степени нарушает цельность и первобытность чисто животной экономики. Ведды и минкопы — искусные стрелки из лука и гребцы; огнеземельцы изготовляют самое разнообразное оружие из кости и такую же утварь; достойно удивления изящество луков и стрел у ботокудов; наконец, австралийцы обладают весьма усовершенствованными палицами, метательными дисками и бумерангами.

У каждого даже наиболее первобытного народа мы непременно найдем какой-либо предмет хозяйственного обихода, какой-либо прием или знание, наглядно свидетельствующие о наличии у него известной культуры, хотя бы и зачаточного уровня. Уже эти немногие черты из жизни современных низших народов доказывают, что их хозяйственная жизнь вовсе не так проста, а представляет собою в высшей степени сложный процесс, объемлющий и целый ряд технически усовершенствованных изобретений, и глубокое проникновение в тайны природы, и чрезвычайно точное знание условий окружающей среды. Каяк эскимоса, с точки зрения технической и экономической, представляет собою, действительно, идеальное решение крайне трудной задачи сообщения и охоты в прибрежных водах полярных морей. Легкие и эластичные сани эскимосов и азиатских северных народов так хорошо приспособлены к окружающей среде, что ничего лучшего не придумали бы и мы, европейцы, после долгих опытов и неудач. Наконец, в резком противоречии со всей остальной культурой дикарей находится упомянутый мной бумеранг австралийцев. С точки зрения механики действие бумеранга до того трудно объяснимо, что постоянно задаешь себе вопрос: как могли додуматься до этого оружия жалкие туземцы Австралии? Если даже считать бумеранг не сознательным изобретением, а случайным открытием, — как это, несомненно, и было в действительности, — то все же его включе-

ние в культурное достояние австралийцев, его сохранение и совершенствование в течение неисчислимого времени является одним из замечательнейших примеров того, на какие культурные достижения вообще способен человек.

Итак, даже в отношении самых первобытных народов вряд ли, в общем, будет правильно все в их жизни объяснять исключительно инстинктом, не говоря уже об еще более элементарном рефлексе. Как бы первобытен ни был народ, он все же дошел до своих технически усовершенствованных орудий только после очень длительного опыта и оставил за собою такой же необозримо далекий эволюционный путь, как и мы, европейцы. Единственная разница между нами и ими заключается в том, что мы за какие-нибудь сотни или тысячи лет несоразмерно быстро ушли вперед, в то время как расы и народы, находившиеся в менее благоприятных условиях, двигались вперед гораздо медленнее или же почти оставались на месте.

Поэтому, вряд ли возможно из быта современных дикарей делать определенные выводы о действительных начатках общечеловеческого хозяйства. Как же, однако, случилось, что во всей нашей этнографической литературе так часто повторяется и подчеркивается именно „первобытность“ жизни современных нам низших народов? Вопреки всем техническим завоеваниям, несомненно, должен существовать ряд черт, правильно относимых к очень ранним младенческим ступе-

ням физического и психического развития человека. Так оно и есть на самом деле, и в следующей главе мы несколько ближе познакомимся с этими архаическими чертами, присущими хозяйству современных народов.

4. АРХАИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ В ХОЗЯЙСТВЕ ПЕРВОБЫТНЫХ НАРОДОВ.

Главный довод, выдвигаемый профессором Бюхером против допустимости термина „хозяйство первобытных народов“, сводится к утверждению, что хотя эти народы и живут более или менее организованными общежитиями, но совместная их жизнь и организация обуславливаются побудительными причинами исключительно социального, а отнюдь не экономического или хозяйственного характера. То, что мы считаем у первобытных народов хозяйством, есть, на самом деле, не что иное, как личная забота каждого отдельного человека о самом себе, — забота, которой совершенно чужда солидарность совместного труда и которой нет дела до радостей и лишений ближнего. Дикарь думает только о себе, и притом исключительно о текущей минуте. Все его желания сводятся к тому, чтобы есть, спать и, в случае надобности, защитить себя от непогоды. В этом вся цель его жизни. Поэтому все его стремления можно считать лишь индивидуальной заботой о собственном пропитании, а никак не хозяйством.

В общем, приходится, конечно, согласиться с решительным суждением Бюхера. Но все же надо

принять во внимание, что и бушмены, и австралийцы, и все остальные бродячие народы-собиратели пользуются в любую минуту своего первобытного существования наследием предков; у каждого из этих народов есть свои знания и приемы, завещанные предшествовавшим старшим поколением и передаваемые последующему юному поколению. Не подлежит сомнению, что, в случае внезапного уничтожения всего взрослого состава населения, поколение незрелых подростков, лишившись руководства старших, оказалось бы неспособным к жизни. Поэтому возможно, что отрицаемый Бюхером дух хозяйственной общественности простирается у первобытных народов не столько, так сказать, в ширину, сколько в глубину, — другими словами, что экономическая общность преемственно связывает у них одно поколение с другим. Для оценки основного характера хозяйства наличие такой преемственной связи очень важна, — гораздо важнее вопроса о том, отдает ли охотник или собиратель часть добычи своим сотоварищам по орде или выменивает свое жалкое имущество на другое. Да и помимо того, сама эта забота о юном поколении — о его пропитании, защите и выучке — не является ли уже совместной деятельностью и хозяйственной общественностью? Совершается ли все это сознательно или бессознательно — опять таки вопрос, в данном случае, второстепенный.¹

Гораздо легче присоединиться к мнению Бюхера относительно ряда других свойств, присущих перво-

бытным народам: их беспредельного самолюбия, безжалостного отношения к ближнему, жадности, вороватости, лени и беспечности. По мнению Бюхера, все эти характерные черты дикаря — следствие того, что в нем крайне неразвиты способность к сочувствию и состраданию, память и логическая последовательность мышления.

Бессердечность и эгоизм резче всего проявляются у дикарей в детоубийстве и намеренном истреблении старых соплеменников, ставших бесполезными. Маленькие дети, вообще, являются помехой при всяком скитальческом образе жизни, а тем более для бродячего дикаря, лишенного всяких средств сообщения. Вполне понятно, что при таких условиях умерщвление обременительного грудного ребенка должно быть частым явлением. И в самом деле, детоубийство встречается у всех современных первобытных народов, причем местами оно еще вызывается и другими причинами. Так, например, о молодых женщинах на Соломоновых островах известно, что они прибегают к детоубийству из опасения потерять стройность стана вследствие продолжительного кормления ребенка грудью. Не менее частое явление — искусственный выкидыш, который освобождает женщину от состояния всегда тягостной для нее беременности и который имеет еще то преимущество, что заблаговременно устраняет последствия недозволенных половых сношений.

Умерщвление детей до и после рождения отражается на развитии культуры первобытных народов

в значительно большей степени, чем обыкновенно полагают. Вместе с меньшей продолжительностью жизни и долгим периодом кормления грудью (три года и больше), детоубийство является главной причиной медленного прироста всех наших первобытных народов, из которых ни один не страдает от избытка населения. Если такая незначительность прироста имеет свои удобства и соответствует привычному укладу жизни, то, с другой стороны, она не побуждает прогресса в такой степени, как известная теснота жизни, принуждающая каждого опережать своего ближнего, предупреждать его в области техники и вообще обгонять его в борьбе за существование. В самом деле, одной из характерных особенностей всех местностей, населенных дикарями, является редкость населения, доходящая подчас чуть ли не до безлюдья. Такое же редкое население мы должны допустить и отчасти даже установить для наших предков раннего каменного века; только в течение позднейшего неолитического века наблюдается несколько большая плотность населения. Причем и у нас, и в северной Африке, и в западной, восточной и южной Азии, именно наиболее густо заселенные очаги сделались средоточиями древней культуры. Не случайность, что густо населенные области совпадают с областями древней культуры: таковы Нильская долина, Месопотамия и аллювиальные равнины Индии и Китая.

Жестокосердие и эгоизм дикарей выражаются, далее, в часто описанном и леденящем кровь обы-

чае — оставлять в пути своих больных и старых соплеменников. Часто они прибегают к еще более ужасному способу, когда бросают своих стариков в добычу зверям или же убивают их и съедают. Но такие нравы становятся более понятными, если мы вспомним, что и цивилизованные народы, во время военных походов или при иных тяжелых обстоятельствах, если и не съедают умерших, то все же вынуждены оставлять в пути каждого, кто так или иначе мешает достижению намеченной цели. А жизнь беднейших народов походит на непрерывную войну в большей степени, чем это нам кажется, — притом на войну со скудной природою, которая всегда была самым беспощадным противником.

Предметом почти зависти для каждого культурного человека является столь часто отмеченная беззаботность первобытных народов, о которых, в самом деле, можно сказать, что „они не сеют, не жнут, а сыты бывают“. Нельзя, разумеется, отрицать, что самые низшие из диких народов живут только настоящим мгновением; но надо ли повторять, что и среди предусмотрительных европейцев, живущих под вечной охраной матери-заботы, найдется много людей, не отличающихся в этом отношении от дикарей. Там, где хозяйничает голодная нищета, там и культурный человек не очень-то заботится о завтрашнем дне, а съедает все, что удалось добыть сегодня. С другой стороны, у всех мало-мальски выше стоящих в культурном

отношении первобытных народов мы можем установить ту же предусмотрительность и запасливость, которые присущи и нам. Разница лишь в том, что у них эти похвальные склонности не могут осуществляться с таким успехом, как у нас. Все жители крайнего севера, как убедительно сообщает нам А. Биган*) в своей интересной книге: „Приполярные народы“, — большие искусники по части консервирования съестных припасов. У чукчей женщины готовят стойкий студень из моржовых губ и языков. Другие северные народы заготавливают густой кисель из ягод. Всюду на севере замораживают мясо и рыбу, которые едят в течение долгой зимы. Многие из предметов питания подвергаются там сушке на воздухе или на огне. Самоеды зашивают вяленых гусей в кожу лососей; остяки складывают сушеную и слегка проваренную рыбу в хранилища из бересты или в оленье желудки и в осетровую кожу. Почти все северные народы сушат на зиму ягоды, сладкие корни и травы. Весьма распространено, наконец, искусство копчения и квашения. Рыбу закапывают в землю, где она лежит до тех пор, пока не начнет подвергаться разложению. В Аляске запах „лососиных ям“ распространяется на несколько миль кругом. В северной Азии копченая колбаса всеупотребительна. Коряки готовят свою любимую колбасу из крови, сала и навоза оленя. Все это перемешивают,

*) А. Byhan: „Die Polarvölker“. Leipzig, 1909.

плотно набивают в оленье желудки и подвергают сперва брожению, а затем копчению. Чукчи коптят колбасу из тюленьей крови и из оленьих желудков; лапландцы варят колбасу из оленьих желудков, наполненных кровью и ягодами. Наконец, излюбленное кушанье самоедов составляет колбаса из гусиного жира или из оленьего сала, набитая в рыбью кожу, или жирная лососевая тешка и балык.

Разве такая заготовка пищи не свидетельствует об известной заботливости? Правда, все эти хлопоты жителей крайнего севера не всегда их спасают от голода и нужды. Во-первых, вся эта жирная пища в полярном климате весьма легко переварима. Во-вторых, на севере обмен веществ в организме совершается с необыкновенной быстротой. Путешественники-европейцы хорошо знают по собственному опыту, что там и после обильнейшего обеда очень скоро снова испытываешь сильное чувство голода. Туземцы, конечно, еще меньше европейцев могут жаловаться на недостаток аппетита. Удивительно ли, что их запасы продовольствия сплошь и рядом истощаются ранее назначенного срока.

Если мы обратимся за примерами к тропическим странам, то убедимся, что и мнимая беззаботность негра объясняется очень просто. Кому приходится проезжать через деревни тропической Африки после снятия урожая, тот сначала с удивлением, а потом с неодобрением наблюдает, как все жители

предаются шумным пиршествам, в которых участвуют мужчины и женщины, старики и дети. Так, например, в одной деревне западнее Маконды, на юге бывших германских восточно-африканских владений, я, во время небольшого семейного праздника по случаю совершеннолетия, насчитал несколько дюжин объемистых кувшинов с густой просовой брагой. На приготовление такого огромного количества напитков уходит, конечно, значительная часть жатвы, и именно это обстоятельство создало негру славу близорукого и беспечного хозяина.

Но следующее указание, надеюсь, убедит нас в том, что негр не заслуживает этого двойного упрека, и что его обращение с урожаем, столь приятное для участников веселых попоек, в сущности вовсе уж не так легкомысленно.

Африканец — всюду земледелец, за исключением племен динка, нуэр и бари — у верховьев Нила, племени вагума — в междуозерье, сомалийцев и галла — на Сомалийском полуострове, масаев и их сородичей — в британских и бывших германских восточно-африканских колониях, фульбе — в Судане и гереро и готтентотов — в бывшей германской юго-западной Африке. В качестве земледельца, негр устраивает хранилища и овины для урожая. У кафров, которые, кроме скотоводства, занимаются побочно и земледелием, такие овины имеют форму огромных горшков из глины и мякины. Причем одни из них, более легкие, предназначаются для временного хранения сжатого хлеба на полях, а другие, бо-

лее прочные — для зерна, — помещаются в огромных хижинах крааля или же под особыми навесами. Эта форма сосуда для зернохранилищ усвоена и остальными неграми; в зависимости от места, меняется лишь материал. Иногда соломенный канат сворачивают кверху спиралью, а образовавшуюся стену, укрепленную отвесными жердинами, смазывают снаружи и внутри глиной. В других случаях, стену хранилища оплетают из полос бамбуковой коры или из иного прочного материала. Если мы добавим, что эти огромные, но легкие постройки, покоятся на сваях, то негритянские овины придется признать вполне целесообразными, так как они защищают урожай от грызунов, дождей и наводнений.

Но, к сожалению, эти овины не предохраняют зерна от действия влажного воздуха тропической дождливой поры. И европейцу, вздумавшему там разводить злаки, не удалось бы предохранить свой урожай от плесени и прорастания; тем более, конечно, недостаточны в этом отношении те мероприятия, которые доступны негру. В этом тамошний земледелец убедился по долгому и горькому опыту. Что же удивительного, если он предпочитает использовать плоды своего тяжелого труда наиболее приятным образом?

Что касается столь часто и охотно повторяемого упрека в недальновидном и безрассудном истреблении животных и растений, то и этот упрек справедлив лишь отчасти. Кто был причиной исчезновения некогда бесчисленных стад анти-

лоп в южной Африке? Кто истребил северо-американских бизонов? На кого падает вина в том, что в недалеком будущем слона можно будет видеть лишь в зоологических садах? Кто приучил туземцев тропических первобытных лесов расхищать богатейшие запасы каучука? Ответ везде один и тот же: белый. Даже там, где европеец одарил туземца каким-либо благом (дав, например, индейцу лошадь, а большинству первобытных народов — ружье), даже и там он оказался косвенным виновником того поистине хищнического хозяйства, которым всегда и везде сопровождается появление белого среди девственных природных богатств экзотических стран. Плохо вооруженный дикарь до-европейской поры вряд ли мог нанести существенный ущерб животному царству своей родины. Вооруженный же огнестрельным оружием, современный цветной охотник истребляет животных с тем же успехом, как и снабженные скорострельными карабинами искусные стрелки белой расы.

В старой этнографической литературе очень ходким было слово „леность“ в применении к первобытным народам. Только женщина, будто бы, изводит себя там работой, глава же дома лежит на мягкой шкуре и бездельничает. Это столь часто повторяемое мнение нуждается в оговорках. Не подлежит сомнению, что дикарь работает лишь тогда, когда его вынуждает к этому крайняя необходимость, и что он принимается за дело в последнюю минуту. Но и в цивилизованной Европе найдутся люди не-

далеко ушедшие в этом отношении от дикарей. Именно откладывание работы до последней минуты доставило, повидимому, дикарю славу лентяя. А между тем, первобытный земледelec всегда занят уже потому, что недостаток целесообразных орудий заставляет его на обработку почвы и уход за ней, а также на постройку жилищ, употреблять несравненно больше времени, чем его понадобилось бы технически лучше обставленному европейцу. Но и собирателей и охотников первобытность их способов добывания пищи принуждает к деятельности, которая физически утомляет больше, чем современный восьмичасовой рабочий день в наших промышленных предприятиях. Таким образом, длительный отдых часто — прямая необходимость для собирателя и первобытного охотника, вынужденного переносить невероятный труд и тяжелые лишения. Яркое описание жизни бушменов у Пассарге*) дает нам представление о том, что значит преследовать дикое животное в знойный и ослепительно светлый тропический день по раскаленным пескам Калагари. Разве удивительно, если бедняки наедаются при случае до отвала и выходят снова на охоту лишь тогда, когда их вынуждает к тому голод?

В одном только дикари резко отличаются от нас. Они лишены нашей выдержки и настойчивости в труде. Как мы увидим дальше, всякий

---

*) S. Passarge: „Die Buschmänner der Kalahari“.

труд, вообще, возник из игры. Дикарь и в настоящее время понимает труд, — и я бы добавил, вполне разумно, — как забаву. Вот почему он весел и доволен, что бы он ни делал. Так относится к труду и беспечный полинезиец и негр. Даже суровый, угрюмый северный индеец, в особенности испанской Америки, был веселым работником до и в первое время после открытия Нового Света. Трудно сказать, что омрачило характер индейца, — христианство или принудительные работы, которым подверг его европеец? Этот вопрос стоило бы исследовать глубже.

Такому завидному состоянию блаженного и веселого прозябания вполне соответствуют скудные представления первобытных народов о ценности вещей. Бюхер указывает на то, что дикари продают предметы своего домашнего обихода, равно как и свою землю, за дешевенькие европейские безделушки, нисколько не задумываясь над последствиями своих легкомысленных поступков. Они всегда руководствуются только минутным впечатлением, не заглядывая в будущее. Дикарь не способен вместить две мысли одновременно и взвесить их: он следует той, которая случайно овладевает им. Этой узостью кругозора объясняется и та беспредельная жадность, охватывающая дикаря, раз он понял, какую цену белый придает приобретаемым вещам.

В этих слишком резких суждениях Бюхера о дикаре много верного. Прежде всего, отсутствие

письмен и трудность унаследования знаний являются одной из главнейших причин чрезвычайно медленного, зачастую доходящего почти до застоя, культурного развития этих народов. Тот факт, что главной причиной поразительно быстрого роста нашей собственной культуры следует считать прежде всего изобретение письма и особенно книгопечатания, — не подлежит сомнению, и нам незачем на нем останавливаться. Если в старину знания накапливались у нас преимущественно среди тесных стен монастырей, то в настоящее время они стали достоянием самых широких кругов. Благодаря этому стало возможным сотрудничество тысячи умов в одной и той же области, а каким чрезвычайно благоприятным фактором оказалось такое сотрудничество, — об этом нагляднее всего свидетельствует история изобретения летательных снарядов, а также столетнее прошлое локомотива и его старшей сестры — паровой машины. Что касается роста духовной культуры, то достаточно упомянуть лишь об эпохе Возрождения и о реформационном движении.

Достаточно окинуть взглядом несколько последних столетий нашей истории, чтобы и нам стать скромнее. Ведь, в сущности, мы — выскочки, владеющие своим богатством со вчерашнего дня, к тому же богатством, значительная доля которого собрана из сокровищниц столь презираемых нами чужих народов. Так, соприкосновение с одними лишь американскими индейцами дало нам, помимо карто-

феля, маиса, ванили и испанского перца, еще некоторые, далеко не ничтожные, вкусовые вещества, вроде какао, парагвайского чая и табака. К этим благам следует присоединить и наших домашних индеек. Вместе с продуктами, мы переняли и их названия: *zicag* (сигара) и *saca u* (какао) — слова языка племени майя из северной части средней Америки; а слова *mahiz* (маис), *tabaco* (табак) и *hamasa* (гамак) принадлежат языку тайнов, живущих на больших Антильских островах.

Мы видим, таким образом, что первобытные народы вовсе уж не так бедны, раз они оказались в состоянии одарить кое-чем и нас, белых богачей. Они, несомненно, дали бы нам еще больше, если бы на пути их развития не стоял бы целый ряд других препятствий, которые при оценке роли примитивных племен, как факторов культуры, не следует отнюдь упускать из вида, хотя они не столь резко бросаются в глаза путешественнику.

Почти повсеместно у дикарей распространен обычай хоронить вместе с покойником все его имущество. По верованию первобытных народов, смерть не есть окончательное завершение земного существования, а лишь новая форма взаимоотношения тела и души. После смерти душа предпочитает жить поблизости от земного жилья и, обычно возвращается к нему. Поэтому, покойнику отдают все его имущество — или из страха перед зловещей силой этого таинственного существа, или же из желания примирить умершего с его участью

и обеспечить ему и в могиле земной образ жизни.

Науке о жизни и быте наших предков этот обычай принес огромную пользу, так как все данные археологии покоятся на находках в древних могилах каменного, бронзового и железного веков. Но менее благотворно отражается этот обычай, как и вообще все заботы об умершем, на остающихся в живых. Закапывая в могилу оборонительное и наступательное оружие умершего, его одежды и украшения, иногда даже его рабов, лошадей и собак, наследники тем самым наносят своему хозяйству существенный ущерб. И этот ущерб еще более возрастает, если к единовременному снабжению покойника присоединяется бесконечная ежедневная доставка на его могилу еды и питья. Страх перед волшебной силой мертвецов заставляет даже покидать его хижину, а в случае смерти правителя — и всю его резиденцию. В негритянской империи Лунда, в южной части бассейна Конго, смерть Ямбо, владыки Муата, повлекла за собою уход всего населения прежней столицы и основание новой. И в Перу новый инка навсегда запирает все дворцы своего предшественника.

Обычай ревностного и длительного оплакивания умерших также является тормозом прогресса. Правда, в наши дни дело уже не доходит до тех страшных боен, которые происходили в западно-африканских королевствах ашантиев и дагомейцев, где после смерти короля убивали не менее

двух тысяч, а в иных случаях — до десяти тысяч человек, предназначенных обслуживать владыку в его новой замогильной жизни. Следствием такого, несколько своеобразного, проявления чувства лояльности было быстро возроставшее экономическое оскудение и обезлюдение обоих королевств, пока новые хозяева этих стран, Англия и Франция, не положили конца этому мерзкому обычаю. Китайцы и японцы также отправляли на тот свет, вслед за умершим правителем, целую ораву лошадей и слуг. Несчастных закапывали по пояс в землю в виде живой ограды вокруг могильного холма. Официально этот обычай был отменен уже в первом веке нашего летосчисления, но еще в начале XVII столетия великому сиоуну Иеясу пришлось издать закон, запрещающий касте воинов, самураям, кончать жизнь самоубийством на могилах своих начальников. Не помогло и мероприятие императора Суинина, в III в. по Р. Х., предписавшего заменять человеческие жертвоприношения глиняными изображениями людей.

Экономически не менее вредна и религия с ее изуверскими обрядами. Так, например, по верованиям большинства дикарей, смерть никогда не бывает естественным явлением, а всегда причиняется колдовством, „насылается“ кем-либо из соплеменников. Отсюда вытекает необходимость отыскать после каждой смерти ее виновника и уличить его. С этой целью в западной Африке заподозренных заставляют съесть так называемую

элон или каску — кисель из ядовитых растений. И от этого насильственного угощения там ежегодно умирают сотни людей, что для малолюдной страны является трудно возместимым ущербом.

5. ПУТЬ К ТРУДУ.

Мы дали краткий обзор наиболее характерных архаических черт, сохранившихся в хозяйственном быту диких народов. На них-то и опирается, прежде всего, профессор Бюхер, решительно отрицая у дикарей существование настоящего хозяйства. Он допускает у них лишь форму личного индивидуального добывания пищи, но ничего такого, что походило бы на хозяйство в смысле совместной предусмотрительной заботливости. Если у цейлонских веддов или у бушменов отнять огонь, лук и стрелы, то их образ жизни превратится в образ жизни животных, которые ведь также живут стадами или в одиночку, в зависимости от качества пастбища или обилия добычи в данной местности. Во всяком случае, временное соединение с родичами не облегчает дикарю его существования.

Исходя из индивидуальной формы добывания пищи, Бюхер старается проследить весь путь экономического развития человечества, вплоть до форм действительного хозяйства в том смысле, как он его понимает. Научной разработке этого вопроса Бюхер посвящает, кроме упомянутого выше „Происхождения народного хозяйства“, еще „Работу и

ритм“ *) — превосходное произведение, дающее гораздо больше сведений о возникновении и первых ступенях человеческой культуры, чем это можно предположить по его своеобразному заглавию.

Большой заслугой современного народоведения следует считать то, что оно опровергло ошибочный взгляд прежних, менее осведомленных авторов, согласно которому дикари — просто грабители, охотники на рабов, а говоря вообще, — неисправимые лентяи. На самом деле они все работают; правда, не по часам и минутам, как это происходит у нас, в наших столь восхваленных культурных условиях, а лишь в силу крайней необходимости или особого влечения. Но при таком порядке работы дикарь чувствует себя отлично и не желает ничего высшего и лучшего. В противоположность нашему труду для заработка, дикарь знает лишь труд для непосредственного потребления, и этот труд не ощущается им как тяжелое бремя, а совершается с легкостью и доставляет работнику удовольствие. И — что особенно знаменательно — это наслаждение работой наблюдается в таких неблагоприятных условиях, которые у каждого из нас, европейцев, наверно скоро отбили бы всякую охоту к труду.

Первым из таких неблагоприятных условий является несовершенство технических ору-

*) Karl Bücher: „Arbeit und Rhythmus“, Leipzig — Berlin. 1909. (Есть русский перевод).

дий. Каких усилий должно было стоить нашему отдаленному предку каменного века изготовление сравнительно простой утвари и оружия, при выделке которых инструментами опять таки служили лишь камень, кость и дерево! И какая огромная затрата труда скрыта в каждой миске, скамейке или маске, которые дикарю приходится вырезать из цельного дерева ножом, — тоже не железным, а из кости или из раковины.

Вторым неблагоприятным условием является чрезвычайная сложность процессов, которым у диких народов подвергается сырье при своем превращении в фабрикаты, если вообще здесь можно говорить о фабрикатах. Бесконечный ряд отдельных приемов и трудных работ лежит между посевом хлебного зерна и употреблением его в виде готовой пищи: корчевка первобытного леса при помощи самых нецелесообразных орудий — топора и огня; расчистка и вскапывание нетронутой почвы при помощи жалкой копательной палки; закладка семян в отдельные ямки; постоянная охрана засеянного поля; уничтожение сорных трав, столь обильных у тропиков; наконец, не менее хлопотливая уборка поспевшего урожая и молотьба, доставляющая всем первобытным народам особенные затруднения. Но все это — только производство. Потребление сопровождается, в свою очередь, рядом работ едва ли более простых и легких. Вылушивание, очистка и размалывание зерна отнимает столько времени, что эти работы серьезно

считали причиной многоженства у всех первобытных хлебопашцев. Во всяком случае, именно этими работами да еще кропотливостью ручного прядения и тканья объясняется многочисленность невольниц у культурных народов древности, равно как та рабочая страда, которая возложена на женщин современного негритянского поселка.

Далее следует выпечка хлеба и варка пищи. В испанской Америке, в каждом сколько-нибудь благоустроенном хозяйстве, встретишь тортилеру, т.-е. женщину, занятую исключительно выпечкой местных пирогов из маиса, которые называют „тортилами“^{*)}: столько времени отнимает одно это ничтожное заключительное звено всей длинной цепи забот о пропитании. Приготовление и превращение ядовитой в естественном виде южно-американской маниоки в съедобное блюдо — так сложно, что сделалось предметом целой практической науки. Конопля и лен, чтобы быть превращенными в годную ткань, также должны пройти не менее двадцати различных стадий обработки.

Третьим неблагоприятным условием является пристрастие большинства наших первобытных народов ко всяким украшениям. Только посетив хороший этнографический музей, можно составить себе понятие о своеобразности и общераспространенности этой характерной черты. Здесь

^{*)} Словом *fortilla*, означающим буквально „яичница“, испанцы называют также всякую трудную и кропотливую работу. (Прим. ред.)

мы ограничимся указанием на то, что почти ни один предмет обихода детей природы не остается неукрашенным или без тщательной отделки. Некоторые же племена помешаны на украшении своей утвари.

Это легко объяснить, приняв во внимание отношение каждой из этих разукрашенных вещей к ее владельцу, а если дело идет о самом владельце с его татуированным или разукрашенным телом, то и его отношение к соплеменникам — мужчинам и женщинам. Как на первопричину страсти к украшениям мы указывали, в „Элементах человеческой культуры“, на стремление выделить украшаемый предмет из ряда ему подобных, индивидуализировать его. Но у дикаря каждый предмет вооружения, каждая утварь — индивидуальны. Дикарь сам изготавливает свое имущество, и вполне естественно, поэтому, что он вкладывает в него известную долю своей личности, стараясь заодно стяжать и возможно больше славы своей работой. А так как понятие времени не играет никакой роли у этих счастливых, то художник отделяет каждую вещь со всем искусством, на какое он только способен. Стойки зрения любовного отношения дикарей к своей работе, их следует считать счастливыми. Что привязывает нашего ремесленника, не говоря уже о фабричном рабочем, к производству его рук? Ничего. В девяноста случаях из ста он даже не узнает, кому попала его самая лучшая работа, и потому с одинаковым равнодушием он заканчивает

одну вещь, чтобы тотчас же начать другую. Среди нынешнего безличного труда, лишь в немногих избранных профессиях еще сохранилась связь между мастером и его творением. Такими счастливыми являются большею частью умственные работники: ученые, поэты и художники, дающие своим произведениям свое имя; они еще пока находятся на вершинах человечества. Тем удивительнее, что отношение этих избранников к современникам и к потомству вращается приблизительно в тех же ограниченных пределах, что и тщеславие любого дикаря.

К сожалению, это чувство удовольствия при исполнении работы простирается и у дикарей лишь на вещи длительной прочности, но отнюдь не на более многочисленные предметы ежедневного обихода. Над последними и самый увлекающийся резчик-новозеландец и самый страстный любитель ярких красок из индейцев Северной Америки работают лишь под давлением нужды, а не по собственному влечению.

Значит, — могут спросить, — дикарь все же работает с отвращением и неохотой? Ответ на этот вопрос Бюхер ищет и находит в наблюдениях над нашими детьми. Подобно детям, дикари — эти взрослые дети человеческой расы — постоянно обуравемы стремлением к деятельности, но при всякой принудительной и длительной работе они быстро утомляются. Как дети, они не способны к систематическому и продолжительному труду. Но зато, с другой стороны, как ребенок может, не отры-

ваясь, увлекаться в течение целых часов каким-нибудь занятием лишь бы оно носило характер игры, так и дикарь охотно отдается всякой деятельности, не побуждаемый ни художественным вкусом ни иными высшими соображениями, если только он привык смотреть на свою работу, как на игру. Так, негр может с поражающей неутомимостью плясать под однообразные, но странно волнующие звуки своего барабана; под ритмические звуки этого же инструмента или песни, он обрабатывает, словно играя, и свое поле.

Конечно, в данном случае имеет еще значение благоприятное влияние ритма. Все мы хорошо знаем оживляющее действие солдатских песен и полковой музыки, ритмические звуки которых обладают свойством придавать силу утомленным ногам пехотинцев. Известно также равномерное пение наших мостовщиков, помогающее им колотить целыми часами своими тяжелыми молотками.

И, в самом деле, ритм обладает свойством сберегать физическую силу. Благодаря ритму, движение, руководимое сознательной волей, превращается в механическое, автоматическое, которое не только не предъявляет больших требований к мускулатуре, но приучает ее работать без особого участия созидательной воли.

Итак, мы видим, что в низах человечества игра соединяется с ритмом, чтобы указывать путь к труду и вызывать к нему охоту. Еще и по сей день ни один негр не в состоянии, сообщая

с другими, тащить телегу, грести, передвигать тяжесть или вбивать сваю, если его работа не сопровождается песней или, по крайней мере, ритмическими криками. Даже при возделывании полей умные хозяева в западной и восточной Африке заставляют своих черных наемников работать под звуки музыки. Так, например, негритянский вождь Нгилла, повелевающий племенем тибати, в западном Камеруне, заставляет своих подданных, отрядами в сто человек, вскапывать почву под звуки барабана. По пятам этих пахарей маршируют в ногу сеятели и разбрасывают семена по полю из подвязанных лукошек. Нечто подобное рассказывают и о малайцах.

Бюхер в своей книге „Работа и ритм“ собрал несколько сот примеров в этом роде. Все они свидетельствуют о том, что игра на самом деле возникла раньше труда, что она является его матерью, а ритм — его восприимчивым. Всюду мы видим вначале подход к труду, как к игре. Это, можно сказать, игра в работу — с пляской, забавой и песней, производящая отрадное впечатление после угрюмой суровости и рутинного сознания долга, омрачающих труд носителей высшей культуры. Направляет же игру ритм, который, вследствие его общераспространенности, поистине следует считать порождением естественной потребности человека, а также предшественником и даже необходимой предпосылкой всякого длительного физического труда.

6. РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА.

На громадной фабрике, воздвигнутой нашей высокоразвитой индустриальной современностью, работа идет полным ходом. Свистят и жужжат сотни машин, несметное число рук находится в движении. Но увы! Как однообразна их работа! Ходячая характеристика фабричного рабочего, как человека, которому в течение всей его жизни приходится повторять один и тот же ручной прием, быть может и содержит долю преувеличения, но все же соответствует, в общем, действительности.

Относительно первобытных народов до недавнего времени существовало как раз обратное мнение. Полагали, что каждый человек является у них сам себе господином во всех отношениях и что каждый работает лишь на себя, сам удовлетворяя всем своим потребностям. Теперь мы знаем, однако, что такое представление далеко от истины, потому что уже в самую раннюю пору человеческого хозяйства мы находим известное разделение труда.

Но в условиях первобытной жизни разделение труда проявляется в иных формах, чем у нас. У нас, до распространения современного женского труда, мужчина один заведывал всем производством, да

и теперь еще является главным производителем. На женщину же возложены заботы по потреблению, т. е., проще выражаясь, она расходует заработанные мужчиной деньги. У большинства первобытных народов дело обстоит иначе: у них оба пола участвуют в производстве. На обязанности женщины лежит обычно добывание растительной пищи, в то время как мужчина либо занят охотой и рыбной ловлей, либо присваивает себе исключительное право ухода за скотом и выдаивания его.

Такое разделение труда по полам наблюдается, как уже сказано, в самом отдаленном прошлом человечества. Оно, несомненно, возникло в ту величайшую эпоху, когда человек впервые добыл огонь и был вынужден бережно его охранять в силу причин, поясненных нами в книге „Культура бескультурных народов“. Сама природа словно предназначила менее подвижную женщину быть хранительницей этого нового завоевания. Из шита, который женщина воздвигала вокруг горящего костра, возникли наши дома. Из глиняных глыб, которыми она обкладывала сосуд для воды, чтобы придать ему прочность или защитить от огня, постепенно развилась наша керамика. Из тех немногих травяных стеблей или корешков, которые она случайно не вырвала, не будучи голодной, или вырвав снова втыкала, нарочно или нечаянно, в землю,—из них возникла культура несметного числа полезных растений, составляющих теперь главную пищу более чем 1700 миллионов людей. Что ход

развития был именно таков, подтверждается бытовым явлением, повторяющимся у всех первобытных народов, а именно: выделка глиняной посуды всецело сосредоточена в руках женщины, а в постройке жилищ и в сельских работах она играет преобладающую роль. Даже там, где мужчины уже присвоили себе право возведения остова жилья, женщине все еще предоставляется обмазывать стены глиной и известью. В области земледелия за ней всюду осталась работа по выпалыванию насаждений. Наконец, у нас последним отголоском того же исконного разделения труда по полам является работа женщины в огороде и в саду или уход за их жалкой пародией в столицах. Только с переходом к плужной пахоте и с введением гончарного станка женщина отстраняется как от земледелия, так и от керамики.

В быту примитивных народов существует еще много других особенностей, которые легко объясняются как пережитки первоначальной обособленности мужчины-охотника от женщины-собирательницы, интересы которых уже и тогда нередко сталкивались. В Африке, Океании и Америке женщины едят отдельно от мужчин, а у племен, живущих на реках Шингу и Арагуа, в южном бассейне Амазонки, каждый человек ест, вообще, в одиночку. Причиной такого порядка можно было бы считать остаток той животной жадности, которая резко бросается нам в глаза, например, в дворовой собаке. Но этому противоречит распростра-

ненный среди дикарей коммунизм, который заставляет каждого делиться своей добычей с соседом. На самом же деле, отвращение к совместному приему пищи объясняется страхом подвергнуться во время еды какому-нибудь волшебству или порче со стороны сотрапезников и, в особенности, сотрапезниц. Дикарь боится, что вместе с проглоченным куском пищи он может внедрить в свое тело какие-нибудь чары.

Древним разделением труда по полам объясняются и жилищные условия, господствующие во многих первобытных обществах, где мужчины обнаруживают упорную склонность жить обособленно от женщин. Во многих странах женатые мужчины, так же как юноши и мальчики, живут общежитиями в особых хижинах или поселках. Часто они организуются в отдельные классы по возрастам и даже основывают нечто вроде клубов и тайных союзов. Все это — остатки первоначальной раздельной жизни полов, обусловленной разделением труда между мужчинами и женщинами. Но и прежняя забытая роль женщины, как хранительницы вечного огня, также проявляется во многих чертах жилищного быта. В Южной Америке, даже там, где мужчина вместе с толпой своих жен живет в одном общем помещении, вроде готтентотского или кафрского крааля, каждая женщина все же сохраняет собственную хижину, собственный очаг и особую площадку для выделки глиняных горшков.

Мы видим, таким образом, что первичное разделение труда по полам наложило глубокий отпечаток на многие стороны общественной жизни. Вопрос о позднейших формах разделения труда был обстоятельно исследован Карлом Бюхером и Генрихом Шурцем, которые нашли и удачное его решение.

Широко распространенной, существующей еще и у нас формой труда является так называемая помощь или топока. Она состоит в том, что обращаются к соседям с просьбой помочь в выполнении какого-нибудь дела, молчаливо обещая им оказать, при случае, соответствующую безвозмездную услугу. Одним из самых приятных видов такой совместной работы во многих местностях Европы считается, как известно, участие друзей в разливе по бутылкам полученного хозяином нового вина. Еще лет двадцать-тридцать тому назад, сотрудничество в форме „помощи“ было обычным явлением при обработке снятого с поля льна. Парни и девушки собирались на одном дворе, и, при общем содействии, работа весело шла вперед. Но в настоящее время европейский крестьянин стал более современным. Теперь он приглашает соседа „с семейством“ для обслуживания молотилки, на которой в самое короткое время он вымолачивает больше, чем ему удавалось выбивать дедовским цепом в недели и месяцы. При покрытии кровель черепицей в деревнях привлекают и до сих пор к работе добрую половину всей детворы. С гордым видом

сидят карапузы на ступеньках высокой лестницы и, образуя живую цепь, передают друг другу черепицы с таким усердием и достоинством, как если бы они выполняли, по примеру отцов, работу за плату.

В первобытных условиях сотрудничество такого вида приобретает еще большее значение. Африканский негр, индеец южной и средней Америки, островитянин Океании и все низшие представители малайской расы не могут ни выкорчевать пня, ни выкопать ловчей ямы, ни наладить большой охоты, ни даже выстроить жилища без деятельного участия своих соплеменников. Главными причинами такого непосредственного и притом ярко выраженного сотрудничества являются отчасти несовершенство орудий труда, но, еще в большей мере, — недостаточное развитие или даже полное отсутствие ремесленников.

Бюхер решительно отрицает существование ремесленников у первобытных народов. По его мнению, ремесла у них существуют, но обычно ими занимается не определенный класс, а все племя. Ремесло принимает форму племенного промысла. Что означает это понятие, нам станет ясно, если мы сравним наши современные европейские экономические условия с условиями, господствующими у дикарей. У нас, в деревнях и в городах, труд распределяется так, что один изготавливает обувь, другой — платье и т. д. Вообще, для удовлетворения каждой отдельной потребности

существуют соответствующие ремесленники: столляры, слесаря, булочники, жестяники, кузнецы и прочие, им же несть числа. Согласно прежним данным, у полинезийцев, например, существовало такое же разделение труда. И там были ладьеделы, вязальщики сетей, плотники, татуировщики, резчики, канатчики, брадобреи и повара. Бюхер считает, однако, эти данные неверными. Возникли они, по его мнению, вследствие того, что внимание путешественников останавливалось лишь на умелых искусниках, которых они и принимали за представителей определенного ремесла. В действительности же все племя или все население округа или деревни посвящает себя одной и той же отрасли техники, так что можно говорить о целых деревнях или племенах горшечников, кузнецов, солеваров и сетевязов. Но здесь всё сводится к тому, что все мужчины и женщины племени или селения работают в одном определенном направлении. Настоящего класса ремесленников нет и здесь, ибо производятся предметы, являющиеся существенной принадлежностью собственного домашнего обихода каждой отдельной семьи. Правда, при этом более способные и ловкие превосходят других совершенством своих изделий, но это не дает нам права принимать их за ремесленников.

Бюхер считает племенные промыслы чертой наиболее характерной для всего экономического развития первобытных народов. В общем с ним можно согласиться, так как местные или груп-

повые промыслы, как их называет Шурц, действительно очень распространены. Так, по свидетельству Имтурна, туземцы племени варау, в Гвиане, считаются лучшими судостроителями; они снабжают лодками все соседние племена. Племя вапьяна, живущее немного западнее, также строит прекрасные челноки. Племя макусси славится производством двух предметов: страшного яда для стрел „урали“ или „кураре“, который получают от них все соседние племена, и хлопчатобумажных гамаков. Племена тарумай и войовай — единственные поставщики деревянных терок, на которых индейцы растирают свою кассаву, и дрессировщики охотничьих собак, которыми они снабжают все остальные местные племена. Так каждая этнографическая единица имеет свою специальность, которую использует для торговых целей. Свои хорошо приготовленные изделия она обменивает на другие, которых у нее нет или которые она не в состоянии приготовить достаточно доброкачественно.

То же самое наблюдалось или наблюдается и в других странах, куда еще не проникло влияние европейца. Разница только в том, что в Африке, например, отдельные промыслы ограничены пределами одной деревни или небольшого округа. В восточной Африке племя вассиндя, живущее на южном берегу озера Виктория - Ньянзи, славится своими кузнецами, снабжавшими в прежнее время всю среднюю часть бывших германских восточно-африканских

владений железными клинками для мотыг и наконечниками для копий и стрел. Задолго до основания немцами солеварни Готорп, оборудованной по современному, соляные варницы племени увинзов, на берегу Танганайки, снабжали солью почти все морское побережье. А у Массазы, на окраине Линди, еще и теперь ежегодно выщелачивают и вываривают из солончаковой почвы этой низменности тысячи соляных глыб для отправки далее в глубь страны. Не без основания и у нас, в Европе, следы самых ранних поселений и начатки местных промыслов находят поблизости от многочисленных соляных источников.

Но как бы то ни было, безусловное отрицание существования у первобытных народов ремесленного сословия — в том смысле, как мы его понимаем, — едва ли допустимо. Кузнечное ремесло, где бы оно ни возникало, уже в самые ранние времена находилось в руках определенных лиц. И понятно почему. Ведь в кузнечном деле приходится потратить не мало времени на выучку, прежде чем достигнуть хоть какого-нибудь успеха. Но и обработка камня, в еще более раннюю пору, также производилась весьма часто особыми ремесленниками. У многих индейцев Северной Америки изготовление наконечников для копий и стрел из кремня и рогового камня производилось определенной группой населения. Эти мастера всецело посвящали себя этому ремеслу и, странствуя потом со своими изделиями, обменивали их

на звериные шкуры, мясо и другие недостающие им предметы. Сходное положение вещей нашел Ниблак на северо-западном побережье Северной Америки. И там определенные лица занимались определенными ремеслами: судостроительством, плетением корзин, дублением, обработкой дерева, рога, кости и сланца, обменивая свои изделия на другие предметы. Существовали даже чисто женские ремесла. Определенные женщины изготовляли наряды для пляски и церемоний и вообще всю одежду и цыновки из кедрового луба и шерсти. В северо-западном Камеруне нам пришлось недавно признать за настоящих ремесленников тамошних выделывателей так называемых „бали“, т.-е. изящных курительных трубок из глины, меди или бронзы. Эти мастера живут исключительно трудом своих искусных рук. Подобно нашим ремесленникам, они добывают средства к жизни продажей изготовленного ими товара.

То же самое наблюдается и во многих других местах. Так, на всем пространстве плоскогорья Маконде, на юге бывших германских восточно-африканских владений, в 1906 году лишь несколько отдельных „фундий“ выделывали те красивые палочки из черного дерева с оловянной инкрустацией, которые каждая местная мало-мальски приличная женщина носит в левой ноздре. А изящные пестрые соломенные гребни, которые местные красавицы втыкают обыкновенно по полдюжине в свои короткие, курчавые волосы, — эти украшения изгото-

влялись лишь одним известным мастером-специалистом, жившим на западной окраине того же плоскогорья. На Адмиралтейских островах Бисмарковского архипелага только несколько человек умеют выделывать столь характерные для этих островов оружие и ножи со шлифованными клинками из обсидиана или вулканического стекла. На соседних островах Уединения лишь одна семья снабжала в течение десятилетий все население теми своеобразными головными гребнями, выделку которых мы долгое время считали, по недоразумению, доступной любому из жителей этих островов.

Многочисленные факты, вроде приведенных, способны подорвать знаменитое учение Бюхера о самодовлеющем замкнутом домашнем хозяйстве. Это учение гласит, что на низших ступенях каждое единичное домашнее хозяйство в состоянии удовлетворять всем своим потребностям собственными средствами, не прибегая ни к обмену ни к торговле. Все украшения и вся одежда, начиная от сырья и кончая готовым изделием, изготавливаются домашним способом и так же строятся жилища и разводятся необходимые растения и домашний скот. Словом, в замкнутом домашнем хозяйстве существует полная независимость от внешнего мира в отношении как производства, так и потребления. При этом, понятие о домашнем хозяйстве мы должны, конечно, расширить, ибо и понятие „дом“, в данном случае, означает весь

семейный союз, весь род или клан, т.е. все связанные родством поколения, которые, живя совместно, ведут и совместное хозяйство.

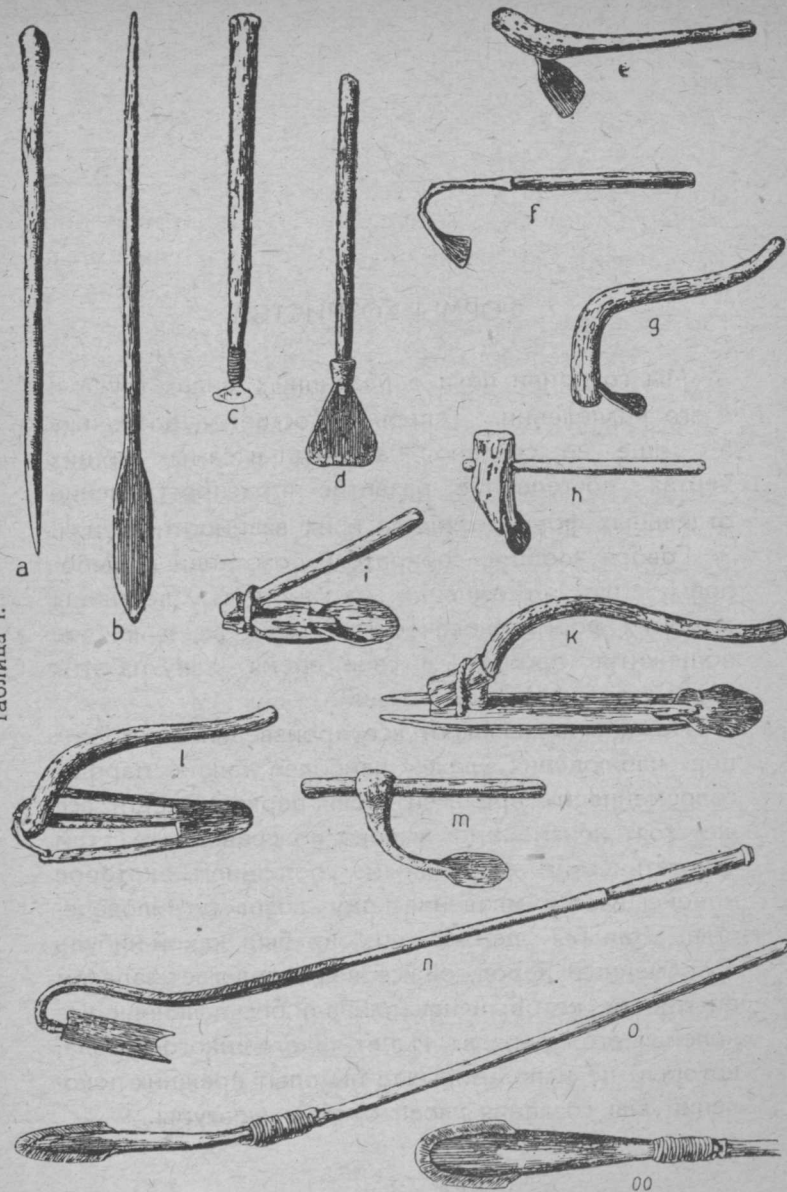
Однако, наблюдавшиеся до сего времени случаи дифференцирования ремесленного труда у низших народов еще недостаточны для полного опровержения теории замкнутого домашнего хозяйства. Такую замкнутость мы действительно встречаем не только у большинства первобытных народов, но и в более культурных условиях современной жизни. Бюхер приводит описание хозяйственного быта в Корее, где с незапамятных времен все необходимые предметы домашнего обихода изготавливаются дома. Жена и дочь прядут не только коноплю, но и шелк, для добывания которого во многих домах разводятся шелковичные черви. Главе семьи приходится выполнять самые разнообразные работы, и он превращается, при надобности, в маляра, каменотеса и столяра. К домашней работе там относится и приготовление водки, растительного масла и красок, так же как и выделка соломенных цыновок, шляп, корзин, деревянной обуви и земледельческих орудий. Словом, каждый работает только для себя и исключительно для удовлетворения собственных потребностей. Таким образом кореец — универсальный ремесленник, который сумеет всегда выйти из затруднительного положения.

Что касается наших европейских условий существования, то мы уже сравнительно давно вышли

из стадии натурального домашнего хозяйства с его самодельщиной. У нас каждая вещь приобретается либо у специалиста, либо в универсальном магазине, и даже при приготовлении приданого на долю современной невесты остается лишь забота о снабжении белья метками. Прежние поколения и у нас жили ближе к натуральному хозяйству. Каждая хозяйка еще пекла тогда хлеб для своих домочадцев, а лен подвергался всем стадиям обработки, от зерна до пряжи и ткани, также в пределах домашнего хозяйства.

Но и в самом замкнутом самодовлеющем домашнем хозяйстве всегда найдется брешь. Какой-нибудь незначительный предмет — более пригодный, например, для обработки камень наших доисторических предков или краска для кожи — всегда казались и кажутся лучшими у соседа, да часто этих вещей и вовсе нет под рукой. Что же остается делать, как не идти к более счастливому обладателю нужной безделицы и приобрести ее путем обмена или купли? Так обмен и торговля тоже оказываются первичными элементами человеческой культуры и, в качестве таковых, мы рассмотрим их ближе в одной из следующих глав.

Таблица I.

Копательные палки. Полевые и плужные мотыги.

7. ФОРМЫ ХОЗЯЙСТВА.

Мы говорили пока о различных видах труда и о его разделении. Теперь нам остается, поскольку это еще не сделано, наметить в самых общих чертах постепенное развитие и распространение отдельных форм хозяйства и их взаимоотношения.

Говоря вообще, собиратели, охотники и рыболовы стоят, несомненно, на самом низу лестницы развития форм человеческого хозяйства, и каждое общежитие прошло в свое время одну из этих первых эволюционных стадий.

Но, как показывают все произведенные до сих пор наблюдения, даже наиболее дикие народы современности, при всей своей первобытности, все же стоят неизмеримо высоко по сравнению с тем гипотетическим первичным состоянием, которое приписывается младенческому возрасту человечества. Как бы „первобытен“ ни был какой-нибудь современный народ, он все же располагает запасом опытности, который накапливали бесчисленные поколения его предков. И нет такого дикого народа, который не использовывал бы опыт прежних поколений для создания своей особой культуры.

Постепенный переход от простейшей собирательной или чисто присваивательной формы хозяйства — в свое время повсеместно распространенной — к различным местным видам производительного хозяйства можно себе уяснить, лишь обратив должное внимание на соответствующие топографические условия. В общем, все говорит за то, что изобретение земледелия далось человеку несравненно легче, чем начатки скотоводства. Как мы указывали выше, человек, без определенных намерений, а затем уже сознательно, собирал сначала некоторые корни и ветки, втыкал во влажную почву те или иные из употребляемых им растений, или щадил и оберегал известные лужайки, дойдя, таким образом, до земледелия. Но долгое время он не видел в этом крупного достижения, и только позднее наблюдательность человека легко его убедила в том, что взрыхленная почва дает лучший урожай, чем необработанная.

О легкости, с которой возникло земледелие, свидетельствует, прежде всего, его давность и его необычайная распространенность. Человек перешел к обработке земли почти везде, где только ему это позволяли климат и почва. Доказано, что у нас земледелие возникло задолго до конца нового каменного века. В Египте, в Вавилонии и в Китае начало его относится к мифологическим временам. В настоящее время земледелие распространено по всей Азии, за исключением приполярных тундр, про-

мерзших на 200 метров в глубину, а также пустынь и степей в области пассатов. В Африке вне земледелия остаются лишь местности, занятые бродячими бушменами и пигмеями, а также скотоводческие области и пустыни севера. В Океании земледелие уже привилось повсюду, кроме обширных областей в Австралии и на острове Тасмания. Наконец, в Америке мы не встречаем земледельцев лишь в Патагонии и в странах севернее Канадских озер. Индейцы, жившие к востоку от Миссисипи и к югу от реки св. Лаврентия, отнюдь не были вечно скитающимися охотниками, как их изобра-

12. Индеец зуни, вскапывающий землю.

жают романы Купера, а оседлыми и прилежными земледельцами. Даже севернее этих широт индейцы собирали спелые колосья дикого водяного риса, а столь жалкие в других отношениях туземцы Калифорнии приготовляли муку из семян и плодов своей дикой родины.

Итак, засеваемая полезными растениями площадь составляет ныне огромную часть суши. С течением времени земледелие, по своему развитию и интенсивности, подверглось, естественно, такому же резкому дифференцированию, какое наблюдалось и в общей культурной эволюции человечества. При этом высшие формы земледелия опять таки прошли в свое время низшие стадии, которые и теперь еще встречаются у первобытных народов.

Одной из самых примитивных форм разведения растений следует считать ту, для которой Ган ввел обозначение мотыжного земледелия, ибо самую значительную роль играет в нем первобытная мотыга. По мнению Гана, именно мотыгой и производилась пахота, скородьба, бороньба и разрыхление почвы. Насколько я знаком с соответствующей литературой и этнографическими музеями, это утверждение Гана не совсем, однако, правильно. Предварительная обработка почвы производится обыкновенно более или менее видоизмененной и усовершенствованной копательной палкой. Что касается мотыги, то ею пользуются преимущественно для разрыхления гряд и очистки их от сорных трав и прошлогодних корневищ. Рис. 12 изображает индейца племени зуни, работающего такой копательной палкой. Она состоит еще целиком из дерева, но снабжена выступом для упора ноги и поэтому представляет собою большое усовершенствование сравнительно с более старыми

копательными палками, изображенными на таблице I, *a—d*. Технически она стоит, примерно, на той же высоте, что и лайя басков (рис. 13). Разница только в том, что заступ басков выделан из железа. При жатве употребляются иные орудия, в зависимости от вида собираемых плодов: серпы, короткие и длинные ножи, а также мотыги и заступы для корнеплодов и клубневых растений.

Дать точный обзор всех отдельных видов мотыг и копательных палок крайне трудно по той простой причине, что из сотни путешественников едва ли найдется пять человек, которые взяли бы на себя труд наблюдения и исследования полевых работ первобытных земледельцев. Кол- лекции наших этнографических музеев (По не дают нам верной картины действительности, потому что первобытный за- ступ, как простая заостренная палка, почти никогда не вывозится для музеев, между тем как мотыга неизменно обращает на себя внимание путешественника. Но и мотыги с поперечными клинками из камня, раковины, черепахи, дерева или железа, — единственные, которые можно считать орудиями земледелия, — встречаются сравнительно редко в наших музеях, во всяком случае, реже, чем это можно было бы ожидать, если допустить, вместе с Ганом, общераспространенность этого орудия. Вопрос этот довольно важен еще

потому, что установить преобладание копательной палки и в так называемом „мотыжном земледелии“ — значит обнаружить прямолинейное развитие от бродячего собирателя корней к земледельцу-мотыжнику и далее к современному растениеводу, практикующему высшую форму огородной культуры, которой мы коснемся ниже. Для всех земледельцев, вооруженных лишь заступом, характерны незначительность размеров обрабатываемого участка и частичное или полное отсутствие домашних животных, — что кажется особенно странным именно в огородной культуре. Технике всех земледельцев, орудующих заступом, присущи, впрочем, и другие сходные черты, которые мы также отметим ниже.

„Мотыжное земледелие“, — за которым можно сохранить привившееся ему название несмотря на то, что собственно мотыга играет в ней второстепенную роль, — отличается незначительностью или даже полным отсутствием ухода за почвой в смысле ее систематического и постоянного разрыхления, удобрения и орошения. Следствием этого является необходимость забрасывать поле, которое было использовано всего один или два раза, и переходить на новое. Далее, характерная особенность этого вида земледелия заключается в незначительности размеров обрабатываемых грядообразных полосок, которые мы встречаем у первобытных земледельцев вместо обширных нив нашего европейского сельского хо-

зяйства. Наконец, „мотыжное земледелие“ почти не знает домашнего и рабочего скота, а стало быть и плуга.

„Мотыжная“ обработка земли и теперь еще распространена во многих странах. Сюда относится вся Африка между 18-м градусом северной и 22-м — южной широты, все земледельческие области северной, средней и южной Америки, все острова Океании и вся внутренняя часть Индии и Индонезии. Последними остатками этого примитивного способа обработки земли у нас являются, кроме огородных гряд, еще и лопата, произошедшая из прежней копательной палки, но значительно усовершенствованная, и сама мотыга, которою у нас по большей части пользуются для разбивания комьев и окучивания. Значительная роль заступа в наших садовых работах указывает на древний возраст этого орудия и на его бывшее почти исключительное господство. По мнению Гана, лопата является вторичным, позднейшим изобретением, заменившим и отчасти вытеснившим мотыгу. Но приведенный выше ход развития, мне кажется, более соответствует действительности. Впрочем и самые наши огородные плоды с преобладанием среди них овощей, стручковых и клубневых растений свидетельствуют о древности возникновения огородничества. Тыквенное семя, боб, горошина и луковица благополучно всходят и растут едва вдавленные в землю. Повторить такого рода посев может и ребенок.

Простота подъема и обработки поля при помощи копательного орудия еще не говорит о том, что „мотыжное“ земледелие представляет собою жалкую форму хозяйства. Что это не так, может убедиться всякий, кто хоть раз увидит, как ухаживают негры за своими, часто весьма обширными, плантациями и своими маленькими полями, засеянными просом, бобами, маисом, маниоккой и земляными орехами; кто увидит, как заботливо они оберегают свои нивы, отгоняя от них криком и камнями мелких вредителей и пуская в ход ружья и луки против более крупных врагов, — обезьян, кабанов и слонов; кто увидит, какие урожаи они извлекают из теплой тропической почвы, несмотря на отсутствие удобрения. О высоком уровне и почтенном возрасте „мотыжного“ земледелия свидетельствует еще и то обстоятельство, что многие негритянские племена в Конго и столь отдаленные от них меланезийцы на Бисмарковом архипелаге даже соблюдают при этом известный плодосмен.

И в самом деле, достаточно нескольких дальнейших толчков, чтобы мотыжное хозяйство достигло той степени, которую Ган считает наивысшим и наисовершеннейшим видом земледелия, а именно — огородно-грядового земледелия. Классической страной такого грядового земледелия является Китай. Только тщательное использование каждого клочка земли, глубоко заботливое обращение с каждым отдельным растением, террасирование крутых склонов, искусная система орошения и, наконец,

педантичное использование всякого удобрения дают возможность существовать 350 или 400 миллионам китайцев. По сравнению с нашими условиями, это существование, правда, не блестяще; обыкновенный китаец своей неразборчивостью в пище напоминает бушмена или австралийца, но производительность труда китайцев прямо поразительна. То обстоятельство, что плотность народонаселения в Китае значительно меньше, чем в Европе, тоже не должно вводить нас в заблуждение при оценке значения китайского земледелия, ибо Китай прокармливает себя сам, тогда как большая часть стран Западной Европы, — особенно Англия, Германия и Бельгия, — вынуждены ввозить из-за границы огромное количество пищевых продуктов.

Генрих Шурц справедливо отмечает, что разница в обработке почвы при мотыжном и грядковом земледелии заключается не столько в соответствующих орудиях, сколько в улучшениях, связанных с удобрением почвы. Именно тщательное удобрение, наряду с более интенсивным уходом за почвой и с введением плодосмена, дает возможность, при грядковом земледелии, прокармливать на небольшом пространстве огромные массы населения. И не только их прокармливать, но и давать им работу. Не менее 90 процентов китайцев находят себе пропитание и работу благодаря своей земледельческой технике. Это, конечно, преимущество, но, вместе с тем, и недостаток.

Благодаря фактическому прикреплению к земле, значительная часть населения отстранена от деятельности в иной области. Затем, другая особенность китайского грядкового земледелия заключается в том, что оно не связано со скотоводством: китаец разводит лишь быстро растущую свинью, курицу и утку. То же видим мы и в Японии, где обрабатывается лишь одна пятая всей территории, но где зато обработка отличается большой интенсивностью. Лошадь, с хозяйственной точки зрения, не играет там никакой роли; коровьего молока там едва хватает для прироста, а ослы, козы, овцы и мулы были впервые ввезены туда голландцами и португальцами.

Возможность прокармливать густое население на небольшом пространстве благоприятствовала развитию грядкового земледелия из менее интенсивных форм повсюду, где недостаток земли делал невозможным ни смены полей ни широкополосное полевое хозяйство, т.е. при отсутствии условий, необходимых для нашего нормального земледелия. Древние обитатели Перу на своих тесных горных полянках и на узких наносных полосках вдоль коротеньких речек побережья не могли не обратиться к грядковому земледелию и рациональному удобрению земли посредством гуано. По тому же направлению пошли и древние мексиканцы, пользуясь для удобрения почвы человеческими экскрементами. Такое же прогрессивное мелкое земледелие встречаем мы и в Европе во многих частях

Италии и Франции. Не без основания многие объясняют им народное богатство французов и их финансовую мощь, способную противостоять всяким кризисам. Сюда же принадлежат испанские веги, а также центры цветоводства, как Гаарлем, Эрфурт и Кведлинбург, спаржевые насаждения у Брауншвейга, Ганновера, Майнца и Галле, рассадник огурцов в Любенау, снабжающий ими Гамбург, и бранденбургский городок Вердер, являющийся одним из главных поставщиков Берлина. Как раз на примере Вердера мы видим, какие результаты может дать самая неблагодарная почва при прилежном, настойчивом и рациональном уходе за нею. Могучим побудителем является в этом отношении производство консервов, вызывающее усиленное разведение огромного количества первосортных овощей и плодов вдали от больших городов и рынков сбыта. Так постепенно окольными путями и наше европейское земледелие все более и более приближается к грядовому.

1911 и 1917 года, с их длительными периодами засухи, еще недавно показали, что земледельческая промышленность Западной Европы, в отношении надежности урожая, отнюдь не является наивысшей формой хозяйства. Если она все еще в состоянии покрывать в значительной части огромный спрос со стороны населения западной и средней Европы, то этим она обязана не только разумной совместной работе земледельческой химии

и машинной техники, но и нашему мягкому и умеренному климату с его весьма благоприятным распределением атмосферных осадков, выпадающих у нас довольно равномерно и в летнее время года. И если очень часто мы сердимся и ворчим на вечно скверную погоду в наших странах, то в данном случае мы неразумны и неправы. Стоит окинуть взглядом местности, лежащие на тех же широтах в России и Америке, чтобы сразу убедиться, насколько мы находимся в благоприятном положении.

Спутниками земледелия являются рабочий волпуг и злаки, в особенности просо, ячмень, пшеница, рожь, овес и маис. Все эти виды злаков сеют уже и при мотыжной обработке земли, так что происхождение их относится к глубокой древности. Древнейшим из наших злаков следует считать просо, которое находят уже в свайных постройках. В древности и в средние века его сеяли в огромном количестве во многих местах Старого Света, и лишь за последние десятилетия его вытеснил картофель. В Китае просо, наряду с пшеницей, рисом, ячменем и бобами, считается одним из пяти священных растений, посевом которых торжественно занимался каждый год сам богдыхан. Капуста, репа, редька, лен, чеснок, лук, огурец и бобы также встречаются в древности. Эти растения разводятся в огородах и сравнительно реже в полях.

Вопрос о возникновении земледелия приводит к двум другим вопросам: об из-

обретении плуга и об использовании крупного рогатого скота, как рабочей силы.

По мнению Гана, плугу должно было предшествовать какое-то перевозочное приспособление, а именно—телега *). При этом Ган не согласен с инженером Рело, будто телега произошла из катка, вал которого посредине постепенно утончался. Он думает, что скорее всего она возникла из храмовой утвари, посвященной великой богине. Этой утварью было колесо прялки, т.е. круг из глины или камня, из дерева или кости, который в древние времена, а у многих первобытных народов и в настоящее время, насаживался на конец веретена, чтобы в качестве маховика сообщать последнему равномерное движение. По мнению Гана, стоило только надеть два или четыре таких круга на стержни и сообразить, что все положенное на оси передвинется при движении колес, — и телега была изобретена. По образцу этой повозки стали строить большие колесницы для перевозки великой богини и ее изображений. В эти священные колесницы запрягали священных животных богини — быков. Ган полагает, что тех же быков стали постепенно запрягать и в плуг. При этом руководились верованием, будто пашня представляет собой утробу великой богини, всеобщей матери-земли, а врезающийся

*) E. H a h n. „Demeter und Baubo“. Versuch einer Theorie der Entstehung unseres Ackerbaues. Lübeck. 1896.

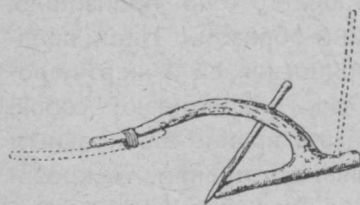
E. H a h n. „Die Entstehung der Pflugkultur“. Heidelberg. 1909.

в почву плуг является символом фаллоса, вскрывающего и оплодотворяющего ее недра.

Что касается превращения крупного рогатого скота в священное животное и одновременно в домашнее молочное животное, то оно произошло, по мнению Гана, следующим образом. Наши предки поклонялись луне и приносили ей в жертву рогатый скот, потому что рога напоминают собою лунный серп. Но луна была крайне своенравным божеством: она то окутывалась мраком, то проявляла признаки слабости — при частичном затмении — или же гнева, когда, красная и без блеска, она стояла на небе — при полном затмении. Вполне понятно, что поклонникам ее приходилось в таких случаях либо подкреплять силы своего божества пищей, либо умиротворять его гнев дарами, что естественно достигалось посредством принесения жертв, главным образом рогатого скота. Но где было брать жертвенных животных при внезапно наступавших затмениях? Прибегли к устройству загород, чтобы всегда иметь животных под рукой. Постепенно человек приучился выдаивать у коровы часть молока, сначала только для божества, а впоследствии для избранных смертных, т.е. жрецов и царей. Наконец, напиток, вначале предназначавшийся одному божеству, стал обычной потребностью человека. Молоком начали пользоваться как вкусовым и питательным средством, и корова сделалась домашним животным.

Если мы, став на этнографическую точку зрения, рассмотрим ближе вышеприведенные объяснения, то должны будем признать, что простое насаживание прялочных колес или иных кругов на ось,

14. Плуг-мотыга каменного века, найденный в Дабергоце, близ Берлина. (По Браунгарту.)

повозки. Конечно, нельзя отрицать, что дальнейшее изобретение дышла и прикрепление кузова представляли не меньше трудности, чем устройство колесного хода. И Ган ничего нам не

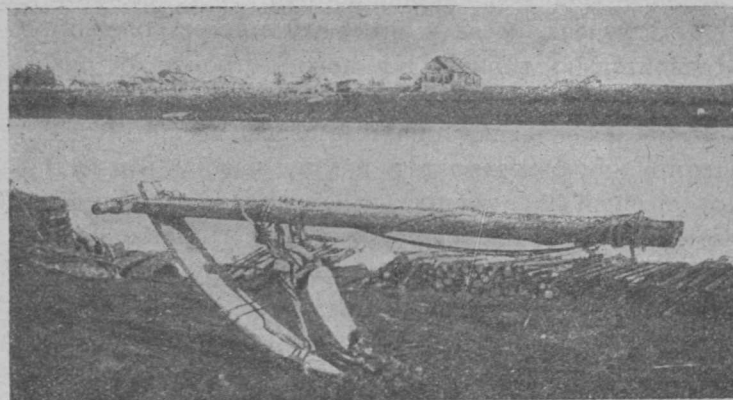
15. Доисторический плуг, найденный в Дострупе, в Ютландии.

всяком случае, попытка Гана дать историю изобретения телеги заслуживает внимания, хотя при всем этом остается непонятным, почему телега должна была появиться раньше плуга, и что между ними

ради забавы, могло стать, в самом деле, исходным пунктом для изобретения телеги, — ведь в детстве каждому из нас случалось насаживать на палочки кружки из глины. Этим самым уже был открыт принцип двухколесной

повозки. Конечно, нельзя отрицать, что дальнейшее изобретение дышла и прикрепление кузова представляли не меньше трудности, чем устройство колесного хода. И Ган ничего нам не сообщает об этих последних изобретениях, явившихся несомненно результатом длинного ряда отдельных постепенных достижений. Во

общего. Наш западно-европейский плуг имеет, как доказано, колесный ход лишь с начала христианской эры. Между тем, в течение, может быть, двух тысячелетий раньше пахали и без колес. (Рис. 14 и 15.) В настоящее время многие народы прекрасно справляются с бесколесным плугом.

16. Плуг в Олонецкой губернии.

(Рис. 16.) Ни один из восточно- и южно-азиатских плугов не имеет колеса. Мы не находим его ни у китайцев, ни у японцев, ни у батаков на острове Суматре и, вообще, оно не встречается нигде на всем пути постепенного перехода от мотыги к плугу.

Что в деле возникновения плуга исходным орудием могла служить только мотыга, в этом нас наглядно убеждает ранняя, наиболее примитивная

форма плуга. Не следует только забывать, что здесь понятие „мотыга“ представляет собою нечто вторичное, ибо это орудие, в свою очередь, произошло от крюкообразного деревянного сука, который наш догадливый предок поднял в лесу или срезал с дерева, чтобы облегчить себе обработку земли. Таким крюком работают, как мотыгой, в тех случаях, когда угол между обоими коленами сравнительно велик. Но каждый более острый угол предполагает уже необходимость тяги. Если бы мы исследовали наши этнографические музеи, то пришли бы, вероятно, к тому выводу, что путь от обычной мотыги к плужной и далее — к плугу — вовсе не так длинен. Это мы видим и на таблице 1, по рис. *e—n*. Ни одно из своеобразных орудий, изображенных рисунками *i, k, l, m, n*, не может быть употреблено как мотыга, но зато вполне годится для пахоты. Даже простая копательная палка, при соответствующем усовершенствовании, превращается в орудие пахоты, как показывает рис. *a* на той же таблице.

Трудно поэтому понять, откуда выводят неизбежность тесной связи между изобретением плуга и телегой. Тем более, что даже позднейшие усовершенствованные виды плугов все же приводятся в движение не упряжными животными, а человеком. Наконец, весьма показателен тот факт, что наши нынешние сельские хозяева всегда впрягают молодых быков и лошадей сперва в плуг, а не в телегу, чтобы приучить необъезженных живот-

ных к ярму и упряжке. Они объясняют это тем, что плуг представляет меньшую опасность в случае, если животные понесут, но мне кажется, что главную роль тут играет бессознательно продолжаемая традиция, возникшая еще в доисторическую пору.

Не высказалось окончательно народоведение и относительно религиозных основ теории Гана. Изучая первобытную культуру, мы видим, что предметом религиозного поклонения делается обыкновенно все древнее, необъяснимое и сверхъестественное, и очень редко — вновь завоеванное или нововведенное. Не подлежит сомнению, что и телега, и плуг, и бык были в древности предметами религиозного культа; но они стали ими лишь после того, как долгий опыт обнаружил всю их пользу и благотворность. Нельзя предполагать обратное, т.-е., что человек сперва стал поклоняться этим трем предметам и только позднее начал заниматься земледелием и скотоводством,

Во всяком случае, загадочно и необъяснимо в этом деле участие луны. Поклонение ей, как божеству, встречается гораздо чаще, чем культ прочих небесных светил; и все же ни один из современных первобытных народов не считает рога символом этого божества и не превратил на этом основании быка в домашнее животное. Конечно, и здесь, в деле приручения и одомашнения животных, как во многих иных явлениях народной жизни, кое-какие мистические и фантастические представления играли роль, но трудно установить во всей

полноте их связь с более сильными конкретными побудителями практической жизни.

Одно время победу человека над животными, неотделимыми от понятий земледелия и скотоводства, приписывали первобытным охотникам. Предполагали, что в период обилия добычи истребляли не всех животных, сохраняя часть их в огороженных участках на случай недостатка мяса в будущем. Такое предположение допустимо, но оно до сих пор ничем не подтверждается. Более общим явлением оказывается приручение животных ради удовольствия, или из потребности в обществе и, наконец, по мистическим мотивам, причем человек нисколько не думает вначале об извлечении из этого пользы. Наши комнатные птицы, собаки и, до известной степени, кошки подтверждают существование этой характерной черты в условиях нашей культуры. У низших же народов мы встречаем в жилых хижинах целые зоологические сады попугаев, ящериц и змей, которыми дикарь так охотно окружает себя. Лишь постепенно и несомненно долго спустя по миновании охотничьей стадии, уже в спокойной обстановке относительной оседлости, характерной для земледелия, могла возникнуть мысль о полезности наших теперешних домашних животных.

Однако, если эта польза состоит в получении молока, то она неизвестна еще многим скотоводческим народам. Между тем, именно молоко мы считаем естественным последствием или даже

причиной тесной связи, которая установилась между человеком и домашними животными. Во всей средней Азии кобылье молоко ценится как главное питательное вещество, но в смежной восточной Азии ни одному человеку не придет в голову употреблять в пищу молоко какого-нибудь домашнего животного. Племя динков, в верховьях Нила, питается преимущественно молоком своих многочисленных коров и в то же самое время не дотрагивается до козьего молока. Ган и Шурц справедливо отмечают, что в естественном состоянии ни одно животное не дает молока больше, чем его требуется для прокормления приплода. Поэтому во всех тех местах, где потребление молока вошло в привычку, людям удавалось лишь путем весьма продолжительного выдавливания заставлять животных давать молоко в больших количествах.

Возникновение скотоводства, как мы его понимаем, должно быть исключено из рамок охотничьей стадии и перемещено в стадию земледелия, — иными словами, земледелие старше пастушества и скотоводства. Этот ход развития, столь противоречащий прежним общепринятым взглядам, подтвердили недавно наблюдения над некоторыми азиатскими формами земледелия и скотоводства. Для выяснения соответствующего положения вещей в Африке еще не хватает географических предпосылок.

Средняя Азия, населенная номадами-пастухами — особенно ее центральная возвышенная часть —

*Процесс
наоборот*

была когда-то местностью, очень богатой осадками. Старые высохшие русла свидетельствуют о прежних реках, а сажженные толщи мусора покрывают остатки городов, построенных населением явно более плотным, чем современное. Земледелие тут возможно лишь на тех немногих узко-ограниченных местах, где короткие горные речки вступают в равнину, чтобы быть использованными до последней капли для орошения полей или чтобы бесполезно иссякнуть в песке. Понятно, что большинство населения вынуждено вести кочевой образ жизни, вечно скитаясь со своими стадами по степям.

Но когда-то все обстояло здесь иначе. Обилие влаги давало возможность жителям заниматься земледелием в самых обширных размерах. Лишь позднее начался постепенный процесс высыхания. Земля перестала приносить плоды, и даже травы на оскудевающей почве едва хватало на корм скоту. Таким образом, в силу климатических перемен, наложивших свою печать на широкую полосу степей между Каспийским морем и пустыней Гоби, большинство местного населения вынуждено было шагнуть обратно и опуститься с более высокой ступени земледелия на низшую ступень кочевого пастушества.

8. МЕРИЛО ЦЕННОСТИ И ДЕНЬГИ.

В сущности, можно иногда пожалеть, что доброе старое время натурального хозяйства неприемлемо с современными условиями жизни. Возьмем, например, писателя. Какое он приобрел бы знание людей, если бы, странствуя на манер корабельника, обменивал продукты своего творчества в одном доме на каравай хлеба, в другом — на масло, в третьем — на отрезок материи, в четвертом — на живительный напиток, добывая таким путем все необходимое для утоления голода и жажды. Впрочем, и в наши дни иной священник или учитель всё еще получает оплату своего труда натурой, т.е. непосредственно предметами потребления или услугами. Не странно ли, что в житейском быту этих умственных работников сохранился осколок беспомощной натурально-хозяйственной старины еще в такое время, которое для большинства остальных профессий принесло несравненно более совершенные виды оплаты труда.

С давних пор человеку приходилось прибегать к обмену каждый раз, когда он сталкивался с обладателем вещи, приобретение которой ему было почему-либо желательно. В нашем детстве, — этом

вернейшем зеркале детства человечества, — мы не раз выменивали майских жуков на булавки, если только последние представляли для нас какую-либо ценность, или каштаны — на перья. В настоящее время купцы тоже иногда „обмениваются“, но лишь сче́тами, и это всё, что напоминает нам обмен младенческой поры торговли. У нас уже нет менового оборота, при котором товар обменивается на товар. Между производителем и потребителем разместился более или менее длинный ряд промежуточных посредников, заставляющих нас пользоваться каким-либо нейтральным мерилom ценности. Это мерило должно быть таким, чтобы за него давали любой товар и чтобы его охотно принимали в виде оплаты.

Таким мерилom ценности и является то, что мы называем деньгами; они служат масштабом для сравнительного измерения ценности различных товаров. Роль денег станет сразу ясной, если мы представим себе следующий наглядный пример. Мальчик *А* желает получить взамен имеющихся у него майских жуков не булавки, которыми обладает его товарищ *Б*, а каштаны. *Б* вынужден с прискорбием направить его к товарищу *В*. Мальчик *В*, правда, готов отдать свои блестящие коричневые каштаны, но отказывается принять жуков интересуясь только перьями. *А* отправляется к счастливому владельцу перьев *Г*. Но этот желает обменять свой товар исключительно на булавки. Даже в этом простом случае из детской жизни

найти какой-либо исход — дело безнадежное, если одному из маленьких купцов не придет в голову пустить в оборот новый желательный для всех „товар“, а именно деньги в виде одной или нескольких ходких монет. Тем необходимее деньги для человека, когда обмен совершается не только между множеством отдельных лиц, но и между целыми группами людей, между племенами и народами. Вот почему тот или иной вид денег в качестве средства расплаты, молчаливо и почти бессознательно принятый всеми, издавна существует у большинства высших первобытных народов. Беглый обзор существовавших и существующих видов денег покажет нам, к каким удивительным своеобразным валютам прибегали отдельные народцы и народы.

Генрих Шурц, составивший прекрасную работу о различных видах денег, проследил также и историю их происхождения *). Он различает два больших разряда: деньги внутренние и деньги внешние, в зависимости от того, приобрели ли известные предметы впервые свое значение денег в той стране, где они имеют хождение, или же они были в качестве денег заимствованы извне. Внутренними деньгами становятся, прежде всего, те вещи, которые трудно изготовить или трудно транспортировать, как, например, различного рода укра-

*) H. Schurtz: „Grundriss einer Entstehungsgeschichte des Geldes“. Weimar, 1898.

шения или знаменитые деньги-жернова на острове Япе (Каролинской группы). Здесь Шурц — этот, к сожалению, преждевременно скончавшийся этнолог, — сделал весьма тонкое наблюдение, обнаружив тесную связь, существующую между возникновением денег и возникновением частной собственности. Как известно, нет ничего более личного, как украшения. Первобытный коммунизм обыкновенно не распространяется вовсе на предметы украшения. Украшения становятся постепенно внутренними деньгами благодаря обычаю регулярного поднесения подарков вождям и жрецам. Эти подарки — зародыш наших налогов. Подарками же стараются оградить себя от кары за какой-либо проступок. Это — начало наших денежных штрафов. Для таких подарков предпочитают личные украшения и другую личную собственность. При распространении такого же способа расплаты на случаи купли невесты, уплаты единовременных взносов в тайные союзы, вознаграждения знахарей и шаманов, — известный предмет украшения легко может стать ходким мерилем ценности, общепризнанным в пределах целого народа.

Карл Бюхер, в полную противоположность Шурцу, определяет понятие денег у первобытных народов следующим образом: деньгами для какой-либо группы является тот меновой товар, который она сама не производит, а который она обыкновенно получает путем обмена от чужой группы. Следовательно, первичными деньгами Бюхер счи-

тает предметы производства чужого племени. Человек отдает произведения своих рук в обмен на чужие изделия, которые он не в силах произвольно умножить и в которых он видит поэтому свое богатство. Очень скоро такие изделия делаются мерилем ценности и среди соплеменников.

Кто из этих двух ученых прав, — трудно решить, так как, при нашем вторжении в мир первобытных народов, мы повсюду уже нашли издавна установившийся прочный порядок, при котором общепризнанными являются внутренние деньги. Действительно ли эти деньги возникали внутри страны или в свое время были внесены извне, — трудно установить в каждом отдельном случае. Поскольку дело идет о дарах природы, встречающихся повсеместно, как: соль, улитки каури и орехи кола, а также о фабричных изделиях, как: медные прутья, железные мотыги и кольца, — точка зрения Бюхера кажется мне более правильной. Но что касается украшений, играющих роль денег, то теория Бюхера, на мой взгляд, менее приемлема.

Число предметов, обращающихся как деньги у первобытных народов, чрезвычайно велико. Можно сказать, что ни одно из трех царств природы не было обойдено. Подробное перечисление их наверное утомило бы читателя, и мы отметим поэтому лишь наиболее существенное и интересное. Читателю, который глубже заинтересовался бы этим вопросом, мы можем рекомендовать, кроме названной книги Шурца, труды Рихарда Андрэ: „Гео-

графия мировой торговли" и „Этнографические параллели и сравнения" *).

По своему назначению и материалу все виды денег первобытных народов можно разделить на деньги-украшения, деньги-ткани, деньги-металлы и деньги-полезности, т.е. деньги, состоящие из самых разнообразных полезных предметов, каковы питательные и вкусовые вещества, утварь, скот и рабы. Наиболее распространенным видом денег-украшений были в прежние времена улитки каури. Это — очень красиво окрашенные раковины некоторых видов фарфоровых улиток, встречающихся у Маледивских островов, юго-западнее Индостана, и у острова Мафия, у берегов восточной Африки, и вывозимых оттуда в другие страны. В доисторические времена и в начале исторической эпохи такие раковинки, называемые „змеиными головками", проникали и в северную Европу. Еще в начале XIX века ими были украшены уздечки саксонских гусар. В XVII веке каури встречаются в качестве мелкой разменной монеты в Индостане и в Индо-Китае, в Сиаме и на Филиппинских островах; в Сиаме — еще во времена Бастиана, т.е. в 60-х годах прошлого столетия. При расчетах эту монету отмеряли довольно объ-

*) Richard Andree: „Geographie des Welthandels". Band I, 2. Auflage. Stuttgart, 1877.

Richard Andree: „Etnographische Parallelen und Vergleiche". Band I. Stuttgart, 1878.

емистыми сосудами, так как подсчет более крупных сумм отнимал много времени.

Несравненно более широкое распространение имели, а местами имеют и сейчас, каури в Африке. Занзибар, на востоке, и Лагос, на западе, издавна были пограничными воротами, через которые эти деньги проникали в глубь страны, надолго наводнив все северное побережье озера Виктория-Ньянса, весь Судан и весь берег Верхней Гвинеи. На востоке и в Верхней Гвинее раковины эти нанизывались на шнуры, тогда как в стране фульбов их отсчитывали пятерками и складывали в пачки от 200 до 1000 штук в каждой. Ко времени Генриха Барта — значит, в середине XIX столетия, — 700,000 каурий равнялись по цене 330 талерам, т.е. 2120 раковин имели ценность одного талера. В Дагомее, во время пребывания там Бертоне (1864), они стояли несколько выше: там 100 штук оценивались в 2½ марки. „Это очень удобные деньги, — шуточно замечает английский путешественник, — для переноски двух фунтов стерлингов приходится нанимать носильщика". По мере того как Африка делалась достоянием европейских государств, деньги-каури постепенно вытеснялись никкелевыми и серебряными монетами.

У индейцев северо-восточного побережья Соединенных Штатов и северо-западного побережья Северной Америки существовал в более отдаленные времена вид денег-раковин, напоминающих каури. Там были в обращении вампумы, т.е. бечевки

с нанизанными на них створками раковины *Venus mercenaria*, имевшими различную ценность, смотря по окраске — красной или белой. В виде поясов-вампум, известных нам из рассказов об индейцах, мы встречаем эти раковины в истории возникновения письмен.

У индейцев северо-западного побережья, между Аляской и проливом Педжет, роль денег играет *Dentalium edulis* — улитка необыкновенно красивой формы. Она очень похожа на миниатюрный слоновый клык, имеет приблизительно восемь сантиметров длины и отличается ослепительной белизной. Индианки отыскивают ее при помощи палки в песках на берегу Ванкувера. Позднее торговая компания Гудсонова залива ввезла в эти края шерстяные одеяла, и с тех пор счет ведется на blankets, т. е. по этим одеялам, исполняющим роль денег.

В бывшей германской Океании особенно интересен вид монеты-раковины, называемой диваррой или т а м б у. Под этими двумя названиями ошибочно подразумевают все виды раковинных денег, обращающихся в Меланезии и соседней с ней Микронезии. Между тем, диварры представляют собой деньги, состоящие из створок маленькой улитки *Nassa callosa*. У этих маленьких раковин отбивают вершинку, благодаря чему получается отверстие, а затем нанизывают их сотнями и тысячами на тесемки из ротанга. Еще недавно честолюбивые мечты каждого новобританца были направлены на приобретение возможно большего коли-

чества этих денег, которые богач складывал в общее хранилище посреди деревни. Там шнуры с деньгами связывались в громадные кольца величиною с тележное колесо. По рис. 17 можно представить себе размеры такого денежного кольца. Во время празднеств драгоценные кольца из диварры выставлялись напоказ. По смерти владельца, его сокровища распределялись между однодеревенцами, которые в благодарность строили хижину для погребения

17. Денежное кольцо из диварр на полуострове Газели.

умершего. При похоронах из раскрашенных бамбуковых шестов и листы сооружались стойки и на них подвешивалось огромное количество бананов, живых свиней, собак, кошек и кур, которые постепенно гнивали. Все это делалось в честь

покойного богача и оплачивалось из оставленного им запаса денег.

Кроме этого священного и, так сказать, официального назначения, те же ракушки, но уже под названием *тамбу*, исполняли, до начала XX столетия другую, более светскую и земную роль. За эти ходкие деньги в Меланезии и Микронезии можно было купить всё, что угодно. Денежные шнуры измерялись по их длине.

Другие известные нам сорта денег-раковин, встречающиеся в настоящее время в бывшей германской Океании, носили весьма разнообразные названия: *коконон* и *тапсока*—в Новом Мекленбурге, *пеле*—в Новом Ганновере и *текароро*—в восточной и западной Микронезии. Во всех этих случаях роль денег выполняют отшлифованные по краям кружки из створок цветных раковин, которые распиливают в неотделанном виде, просверливают примитивным буравом из рога, кремня, зуба акулы или кости, оттачивают и, наконец, в виде правильных кружков нанизывают рядами. Вся эта работа крайне кропотлива и отнимает много времени. Но венцом искусства является изготовление так называемых свиных денег на восточном берегу Нового Мекленбурга. Они также состоят из шнуров в несколько метров длиною, на которые нанизаны тончайшие раковины, отточенные в виде кружков, с просверленными в них крошечными отверстиями. Для приготовления такой нити из 20.000 отдельных кружков, — а такие нити встречаются довольно

часто,—необходимо проработать не меньше шести-семи месяцев. Деньги эти называются свиными потому, что ими пользуются преимущественно при купле-продаже свиней. К концам этих нитей обычно привязывают свиные хвостики, о назначении которых мнения расходятся. Одни утверждают, что число хвостиков указывает на число владельцев, через руки которых прошла данная нить; другие же говорят, что свиные хвосты обозначают число свиней, которых можно потребовать за ту или другую нить. Характерно, что свиными деньгами расплачиваются при покупке и жен. Но в таких случаях к свиным деньгам привязываются в придачу несколько шнуров иных денег, и тогда общая сумма становится равноценной будущей супруге.

В той же Меланезии имеют хождение различные виды денег-колец и денег-зубов. Из замковой части гигантской раковины *Fridasna gigas* шлифуют и высверливают красивые белые браслеты, которые служат мерилom ценности в некоторых частях британской Новой Гвинеи. Еще недавно там высоко ценились в виде валюты собачьи клыки. Они служили исключительно для покупки женщин. Венцом всех видов денег были скрученные в замкнутое кольцо кабаньи клыки. Каждый такой клык равнялся по стоимости двумстам собачьим клыкам. За два кабаньих клыка можно было купить свинью, а наилучшие экземпляры переходили от поколения к поколению, как семейная драгоценность. Это чудо природы добывали путем выбивания у моло-

дых кабанов верхних клыков. После этого нижние клыки, не встречая препятствия и следуя своему основному направлению, свободно разрастались, пока заостренная коронка зуба не смыкалась с его корнем. Рис. 18 изображает такую денежную единицу.

Очень распространенным видом денег-украшений являются бусы. Всего лишь несколько десятилетий тому назад ни один путешественник

18. Клык кабана. (Новая Гвинея.)

не мог передвигаться по Африке, если при нем не было запаса этих изящных блестящих украшений. Остатком этой же меновой системы, возникшей, повидимому, в весьма отдаленные времена, являются бусы-аггри, вымываемые сильными дождями прямо из почвы в западной и южной Африке, в южной и юго-восточной Азии и на Малайском архипелаге. В Африке на них смотрели, как на нечто священное, но местами они считаются также очень ходким видом денег. По мнению одних этнографов, бусы-аггри — венецианского, а по утверждению других — древнеегипетского происхождения.

Священными деньгами являются также бусы-ауду, встречающиеся на тихоокеанских островах Палао. По своему материалу они бывают трех родов: из обожженной глины, из эмали и из

естественного стекла. Все они имеют форму выпуклых или прямых призм, шаров и т. п., и нанизываются на нити. До того как на островах Палао вошла в силу германская монета, бусы-ауду из естественного стекла были там ходячими деньгами, которыми покрывались обыденные издержки. Эмалевые бусы оценивались не менее, чем в 45—75 марок каждая. Что касается бус из обожженной глины, то они были недоступны для заурядного островитянина. Отдельные экземпляры их были либо собственностью государства, либо достоянием наиболее богатых семей. Несколько десятилетий тому назад, по свидетельству Кубари и Семпера, исследовавших эти острова, наиболее редкие экземпляры достигали цены в 15.000 марок. Их не выпускали в обращение, а тщательно хранили и никому не показывали. В настоящее время эти монеты, как сказано, совсем изъяты из обращения, но зато те из местных жителей, которые обладают ими, ревниво хранят их, относясь к ним почти с благоговением. Эти, уже неоднократно описанные, деньги островов Палао, несомненно, ввезены туда извне; быть может, они попали туда с какого-нибудь потерпевшего крушение и выброшенного на берег европейского корабля. Вот почему их количество не может быть увеличено. Подделка тотчас же обнаруживается, и такие фальшивые ценности не находят сбыта.

Острова Палао — место происхождения другого вида денег, а именно каменных, обращаю-

Денежная аллея на острове Япе.

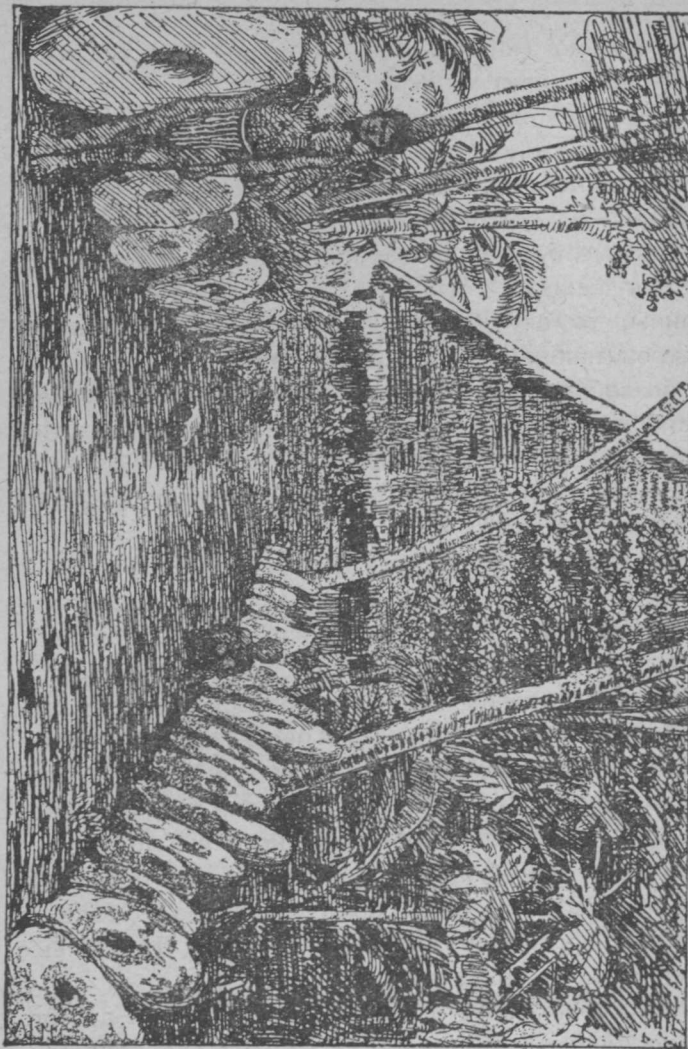

Таблица II.

шихся на острове Япе, но не признаваемых на своей родине. Об этих каменных деньгах здесь следует упомянуть, потому что они стоят, без сомнения, в некоторой связи с деньгами ауду. Так как для жителей Япа красивые цветные бусы ауду были недоступны, то они старались утешить себя одноцветными каменными бусами, менее красивыми, но зато достигавшими размеров мельничного жернова. На путешественников, посещавших Яп, — этот самый западный из Каролинских островов, — каменные просверленные диски величиною в круг швейцарского сыра и даже в мельничный жернов производили неизгладимое впечатление. Эти исполинские деньги местами были прислонены к стенам хижин и мужских общежитий, местами были разбросаны по земле или были расставлены вдоль дорог, образуя аллеи, как это изображено на нашей таблице. Эти знаменитые деньги, носящие название фе, — один из самых странных видов денег, когда-либо придуманных человеком. Материалом для них служит арагонит, или известковый шпат, встречающийся именно на островах Палао. Для добывания этих денег жителям острова Япа приходилось проплывать 500 километров до Палао, вырубать там при помощи своих орудий, лишенных металлических частей, огромные круги из глыб арагонита, доставлять их на берег и возвращаться на родину с этим тяжелым грузом на своих ладьях. Переноска по суше производилась при помощи крепкого шеста, кото-

рый продевался через просверленные круги; особенно тяжелые камни перекачивались, как колеса. Для перевозки по морю служили лишь хрупкие челны с противовесами или сооруженные для этой цели плоты, которые шли на буксире лодок. Само собой понятно, что сотни отчаянных искателей денег, совершая этот рискованный путь за своими сокровищами, погибали в волнах Тихого океана. Может быть, именно в этих трудностях добывания и перевозки арагонита следует искать причину того, что этот материал, сам по себе не имеющий никакой цены, высоко расценивался среди туземного населения острова Япа.

С этой оценкой дело обстоит очень странно. По свидетельству одного из моих коллег по лейпцигскому музею, доктора Зарфета, недавно побывавшего на острове Япе, лучшие экземпляры денег фе валяются в настоящее время по берегу моря и даже в самой воде; а между тем, еще в начале нашего столетия цена этих каменных кругов определялась соответственно длине диаметра, который измеряли от руки четвертями. Камень фе, имеющий три четверти в диаметре, по свидетельству имперского окружного начальника Зенфта*), стоил в 1900 году 7 мешков копры, или семян кокосовых орехов, по цене 22,5 марок за каждые 35 килограммов; камень же в 6 четвертей оценивался в

*) Senfft: „Das Geld der Japer“. Deutsches Kolonialblatt, 1901.

26 мешков копры, т.е., приблизительно, в 80 марок.

Несмотря на свою тяжесть, эти камни фе были настоящими деньгами. Согласно описанию Зенфта, ими пользовались преимущественно для покупки женщин, сахарного тростника, свиней и больших партий плодов, причем владели ими только мужчины. Соответствующими деньгами женщин были яры, — лопатообразно отшлифованные черепки перламутра, связанные по 2, 4, 6, 8 и 10 штук. (Рис. 19.) Мелкие экземпляры денег фе служили и служат теперь разменной монетой. При торговых сделках избегали перемещать наиболее тяжелые монеты, и новый владелец просто замечал себе положение и форму своих новоприобретенных денег. До введения германской монеты, имперское управление островов также принимало деньги фе и яры. Когда туземцу приходилось платить штраф, на один из его камней ставились литеры О. У. (Окружное Управление). Если впоследствии отмеченный экземпляр переходил в собственность

19. Перламутровые деньги на острове Япе.

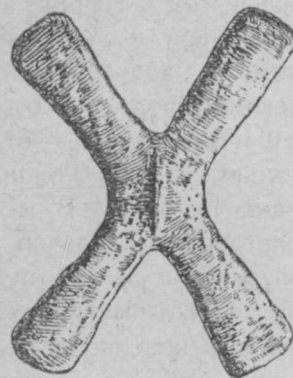
третьего лица буквы О. У. просто перечеркивались. *Probatum erat.*

Другим видом денег-украшений были перья. На островах Санта-Круц, в Меланезии, на большие перья наклеивали маленькие красные перышки из-под крыльев определенного вида попугаев. Крупные перья связывали рядами, так что видны были лишь маленькие красные перышки. Чем длиннее были эти цепи, тем выше была их ценность. Во время празднеств пышные перьевые деньги развешивались в виде украшения на площадках для плясок. Подобные же деньги-перья обращаются еще в настоящее время на островах Банка. Красные головки дятлов, которые, наряду со связками раковин, играли когда-то роль денег у индейцев-кароков в Калифорнии, уже давным-давно вышли из употребления.

Полную противоположность легким деньгам-перьям представляет собой тяжеловесный металл. И металлические деньги приходится причислить к деньгам-украшениям, ибо везде и всегда металл, при своем появлении, применялся как украшение. Впрочем у первобытных народов и в настоящее время принято пользоваться металлическими украшениями, как деньгами, и, наоборот, монетами, как украшениями. У верховьев Нигера все приобретаемое золото и серебро тотчас же превращается в кольца, служащие украшением и одновременно ходким мерилем ценности. Большая часть серебряной и никелевой монеты, которую

германцы ввозили до войны в Того, шла на украшение ручных и ножных браслетов туземцев.

Лишь немногие виды монет культурных народов избегли общей участи и не были превращены в украшения. Как на пример, укажу на мексиканский серебряный доллар, завоевавший всю восточную Азию, на индусскую рупию, проникающую все более и более в Тибет и принятую, в силу необходимости, немцами и в восточной Африке,— правда с германским клеймом,— и наконец на известный талер Марии Терезии, с которым дело обстояло следующим образом.

Уже вскоре после своего появления, отдельные экземпляры этого талера достигли Востока и восточной части Судана, где их сперва носили в виде украшения. По-видимому, туземцам понравился пышный бюст толстой императрицы; таково, по крайней мере, мнение английского путешественника Бекера. На эти талеры появился большой спрос. Монеты быстро распространились по всей северной Африке до экватора и в значительной части западной Аравии. При этом ходки были монеты исключи-

тельно чеканки 1780 года, с ясно сохранившимися семью точками под короной. Чтобы сделать приемлемыми новочеканные монеты, приходится тщательно придавать им вид старых. Хотя теперь область обращения этой монеты сузилась, тем не менее, большое число их все еще переправляется каждый год в Африку и Аравию.

Наконец, к деньгам-украшениям относятся отчасти и изображенные на рис. 20 куски меди, имеющие форму косо́го креста. Эти монеты—руссаши или ганды—обращались в Лунде, в южном бассейне Конго. Родина их, безусловно, — богатая медью Катонга. В местностях близ Стэнли-Пуля роль денег выполняли медные прутья, согнутые в полукруглость. Во многих частях остальной западной Африки имели хождение так называемые маниллы, красиво выгнутые кольца из того же металла. Эти кольца обращались, повидимому, уже в XVI и XVII веках в прежнем Бенинском королевстве, в западной части дельты Нигера, о чем свидетельствуют найденные бронзовые пластинки, украшавшие королевские дворцы. Рис. 21 изображает пластинку, хранящуюся в Лейпцигском этнографическом музее. Это одно из многих художественных произведений, найденных в щебне разрушенного королевского дворца после завоевания Бенины англичанами весной 1897 года.

Середину между деньгами-украшениями и деньгами-полезности занимают деньги-ткани. Этот вид денег тоже отличается крайней древностью и

весьма распространен. О тканях неоднократно упоминается в библии, а у западных славян, в эпоху саксонских императоров, они были настоящей ходячей монетой. Позднее у русских, у сканди-

21. Маниллы на бронзовой пластинке из Бенины.

навов и у многих индейских племен в виде денег обращались меха. На некоторых островах Индийского океана своего рода внутренними деньгами была ткань из лыка тутового дерева. Старые

же циновки тонкого плетения на острове Самоа, называемые етонга и езина, узкие циновки из лыка на Ново-Гебридских островах и тонкие материи из рафии в низовьях Конго заменяют деньги по сие время.

Особое место занимают хлопчатобумажные деньги. В Тибете имеют определенную цену куски хлопчатобумажной ткани, клейменные китайскими тамождями, т.-е. до известной степени подвергнутые чеканке. В старой Японии поэтам выплачивали гонорар тканями. Во всем Судане и в Верхней Гвинее очень ходки деньги в виде узких — не шире 10 сантиметров — шерстяных полос, вырабатываемых на домашних ткацких станках. Там эти самодельные ткани принимают охотнее европейских материй, которые в остальной Африке, особенно на востоке, имели довольно широкое распространение, так как их легко было делить на части. В среднем и западном Судане система денег-тканей развилась дальше, и мерилom ценности стала готовая одежда, например, плащи племени гауссов — тогообразные мантии со складками, заключающими в себе баснословное количество ткани.

Почти необозримо число разновидностей денег, представляющих собой полезные предметы. Ограничимся указанием лишь некоторых из них. В первую очередь к этим деньгам относятся питательные и вкусовые вещества, не подвергающиеся быстрой порче. Так, одно время в Исландии вместо денег шла сушеная рыба, у сомалийцев —

финики, в Тибете — грецкие орехи, а в Лапландии — сыр. В Китае еще в настоящее время большая часть налогов вносится рисом и, наоборот, часть жалованья чиновникам уплачивается зерном и другим продовольствием. Мы уже упомянули выше об обычной у нас натуральной системе вознаграждения священников и учителей.

Из вкусовых веществ отметим кирпичный чай, являющийся наиболее ходкой монетой в нагорной Азии и Тибете. Рис. 22 изображает такую денежную единицу.

Впрочем, чай можно рассматривать как вкусовое вещество лишь с нашей точки зрения. В центральной же Азии он является весьма существенным продуктом питания. Там чай варят с молоком, маслом и солью. В древней Мексике разменной монетой служили бобы и какао, впрочем, несъедобного сорта.

Во многих частях западной Африки и у айнов, в северной Японии, европейская водка некоторое время заменяла деньги. В других местах деньгами были опий, листья бетеля и орехи кола. В качестве денег очень широко распространился табак. Везде, где господствуют белые, сигара является

22. Кирпичный чай.

самым обычным видом „чаевых“ — или, вернее, „табачных“ — при оплате той или иной услуги. Деньгами же, в более узком смысле этого слова, можно считать табак в виде „твиста“ *) в Меланезии и в виде прессованных лепешек самых разнообразных форм во многих областях Африки. Соль, этот важнейший предмет первобытной торговли, также приобретала неоднократно значение денег, обра-

23. Деньги из каменной соли в Абиссинии.

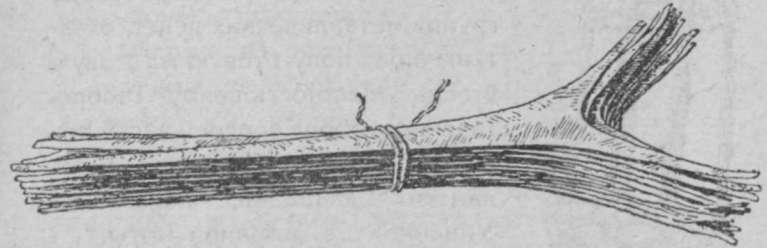
щаясь, большею частью в виде караваев. В Абиссинии имеет хождение каменная соль в кусках, похожих с виду на точильные бруски. (Рис. 23.)

Переход от всех этих первобытных видов денег к металлическим — безусловно крупный шаг вперед: металлические деньги не портятся, портативны и в общем не подвергаются таким быстрым и значительным колебаниям, как „натуральные“. Поэтому, они появляются рано и встречаются очень часто, принимая самые разнообразные и подчас удивительные формы.

Первая из двух групп, на которые следует разделить металлические деньги, состоит из неотде-

*) Т.-е. в виде английского крученого табака. (Прим. ред.)

ленных прутьев и бесформенных кусков железа, обладающих, разумеется, лишь ценностью материала. Греческий обол, который быстро вытеснил серебряные деньги, был первоначально просто железной палкой. Только в обособленной косной Спарте древний обол сохранился, получив, однако, более удобную форму диска, по образцу появившихся других монет. В Англии уже Юлий

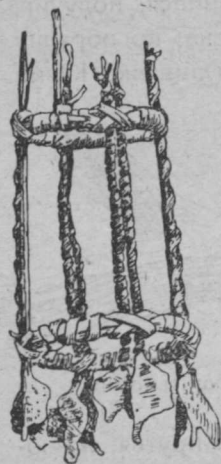

24. Железные деньги из Верхнего Убанги (Конго).

Цезарь нашел железные и медные прутья, имеющие значение денег. В Камбодже до сих пор в качестве денег обращаются длинные плоские железные прутья. Железные деньги временами встречались в Китае и в Японии, а в Тибете они существуют и теперь.

Железная монета обращалась преимущественно в Африке. В Сенегамбии железные прутья настолько приобрели значение мерила ценности, что там даже говорили: „один прут табаку“, подразумевая 20 пачек табаку, а также „прут рома“. На Золотом берегу, несколько столетий тому назад,

существовали деньги в виде больших железных игл с полумесяцем на одном из концов; наконец, в северном бассейне Конго и в Лоанго находятся в обращении и сейчас многочисленные формы железных денег. (Рис. 24 и 25.)

25. Железные деньги из Лоанго. (Западная Африка.)

Перечисление всех отдельных образцов монеты этого рода слишком расширило бы рамки настоящего очерка. Еще богаче образцами вторая группа металлических денег, охватывающая полуготовую и готовую утварь. Местность вокруг Табора, главного города средней части бывших германских восточно-африканских владений, называется Унианиа, т.-е. „страной мотыг“, в память о железных мотыжных наконечниках, которые 30 лет тому назад в количестве 150.000 штук были доставлены туда из Усинды, на южном берегу озера Виктория-Ньянса, откуда они распространились дальше до Угого или даже до морского берега, сделавшись самым ходким средством оплаты. В настоящее время изъятые из обращения железные деньги племен логокулюти, бонго и других, живущих между верховьями Нила и Уэлле. Эти деньги, описанные Георгом Швейнфуртом, превратились ныне в драгоценности, которые наполняют сокровищницы и клады бога-

чей. То же самое произошло с чрезвычайно разнообразными видами железных монет в бассейне Конго. Один сорт таких денег изображен на рис. 26, набросанном отчасти по материалам Лейпцигского музея, отчасти же — по данным Лео Фробениуса *). Первоначальная штыкообразная форма наконечника копья еще ясно сохранилась на этих деньгах. В местности около водопада Стенли эти денежные единицы вырастают до сказочной величины, достигая высоты человеческого роста.

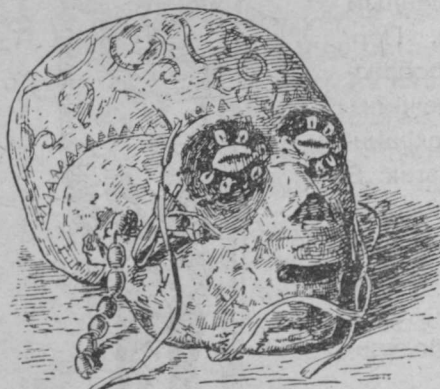
На этом мы закончим наш более чем сжатый обзор главнейших видов денег у современных первобытных народов. Его следует дополнить, упомянув о роли денег, которые, подобно каменным монетам на острове Япе

26. Штыкообразные деньги из восточной части бассейна реки Конго.

*) Leo Fröbenius: „Völkerkunde in Charakterbildern“. Hannover. 1902.

и нашим кредитным билетам, относятся к разряду денежных знаков, — иными словами, состоят из материала, который сам по себе не имеет никакой цены и становится предметом ценности лишь в силу соглашения и привычки.

Китайцы и в настоящее время пользуются монетами из дерева, фарфора и свинца, причем наряду

27. Деньги-череп даяков
на острове Борнео.

с ними, в последние века до Р. Х., существовали еще так называемые пу, т.е. деньги, состоящие из платя, и тси, т.е. деньги-ножи. Но оба эти вида денег имели тесно ограниченный круг обращения.

Странные монеты встречаются

и у племени даяков, на острове Борнео. Варварский обычай этих дикарей снимать черепа с врагов и охота за черепами исключительно вследствие честолюбия и кровожадности, привели к тому, что добываемые черепа разукрашиваются и считаются драгоценностью. (Рис. 27.)

Влияние соприкосновения с китайцами выразилось в признании ценности за старыми китайскими

вазами из фарфора — деньгами, свидетельствующими о большой степени богатства их собственников. В других частях Индонезии и в юго-западной Азии собирают старые бронзовые литавры, как драгоценный вид денег; на севере Индо-Китая громоздят целые горы черепов различных животных, а в Брунеи, на севере Борнео, все честолюбивые мечты направлены на приобретение тяжелых старых пушек, являющихся там доказательством высшей степени благосостояния.

Если бы можно было изобразить на географической карте все виды денег соответственно местам их обращения, то получилась бы весьма поучительная картина и прежде всего в отношении их распространения. В то время как в Меланезии, Микронезии, в северо-западной части Северной Америки и в большей части Африки существуют примитивные деньги, — Австралия, многие части Южной Америки, северная Азия и разные другие страны почти лишены денег. Там туземцы не вышли из стадии чистого обмена и в лучшем случае мы встретим у них лишь незначительные начатки „внутренних“ денег.

Большой интерес представляет также обозрение разных видов денег в одной и той же стране. Даже в областях с ярко выраженным денежным хозяйством число одновременно обращающихся в них видов денег очень ограничено. При этом всегда возникает нечто вроде валюты, в том смысле, что между ценностью различных видов денег

устанавливается определенное соотношение. Различают крупные и мелкие деньги, причем первые состоят из скота, рабов, оружия, золотого песка, фарфоровых сосудов, каменных колец, слоновой кости и т. п. Они служат для крупных закупок, для уплаты выкупа за невесту и т. д. Мелкие деньги идут на покрытие повседневных расходов.

Наконец, следует отметить замечательное явление, что деньги часто служат для чисто тщеславных целей. Их стараются приобрести только для того, чтобы прослыть богатым. Упомянутые нами виды денежных знаков, как, например, фе, черепа животных, вазы, пушки и т. п. должны быть отнесены к разряду таких показных денег. По всей вероятности, и римское понятие *rescupia* (деньги, капиталы) указывает на те времена, когда многочисленные стада*) считались не столько полезным имуществом, сколько признаком богатства их владельцев.

На культурное развитие человечества изобретение денег оказало огромное влияние. Если мы захотим представить себе положение людей, лишенных возможности более или менее широкого обмена, то, одновременно, нам придется вообразить их себе на культурном уровне бушменов и исключить для них всякую возможность прогресса.

„Презренный металл“, напротив, дает сотням и тысячам племен и народов благотворную возмож-

---

*) *Rescus* — скот, стадо. (Прим. ред.)

ность одновременного обмена всеми продуктами своего материального производства. Каких беспредельных возможностей может достичь, благодаря этому, производительность; как широко разбивается разделение труда, и как деньгами косвенно обуславливается, таким образом, прогресс всех сторон нашей жизни, — это мы лучше всего видим у современных культурных народов.

9. ТРАНСПОРТ И СРЕДСТВА СООБЩЕНИЯ.

Высоко в небе, над небольшой Потсдамской площадью в Берлине, пролетает, легко рассекая воздух, гигантский цеппелин. Его стройное тело почти задевает несущийся ему навстречу упругий воздушный шар, а стая легких аэропланов, заглушая своей трескотней шум машины аэростата, уносится вдаль. Всем этим владыкам воздуха нет дела до того, что происходит где-то там, внизу.

А между тем, и там, на земле, можно увидеть и услышать очень много интересного. Правда, паровоз — это „устарелое“ средство сообщения, толкаемое неуклюжим силачом-паром, — спрятался за высокий фасад Потсдамского вокзала, а гордость „Северных Афин“ — надземная и подземная железная дорога — дает о себе знать лишь глухим гулом, — но все же какая пестрая сутолока кипит перед нашими глазами! Автомобили различных типов и размеров; снующие по всем направлениям быстрые трамваи; несметное число разнообразных повозок и тележек, запряженных лошадьми и людьми; всадники, велосипедисты и мотоциклисты; носильщики, то с легким, то с тяжелым

грузом, и, наконец, вооруженные лыжами юные спортсмены, идущие веселым шагом за город. На тротуарах — густые вереницы обыкновенных пешеходов, а над ними, на высоком столбе электрической линии, — рабочий, привыкший, повидимому, без труда взбираться вверх и соскальзывать вниз.

Это, правда, несколько необычное зрелище представляет собою в сущности вертикальное сечение через всю историю наших сухопутных и воздушных средств сообщения. Если мы взглянем, с другой стороны, на сутолоку, царящую в какой-нибудь большой морской гавани, то увидим еще более захватывающую картину. Здесь, однако, вертикальное сечение покажет нам лишь позднейшие формы судов, начиная от шлюпки, и мы не заметим ни выдолбленного челна, ни плота, ни надутый воздухом звериной шкуры. Эти первобытные средства сообщения по воде сохранились лишь на захолустных речках и озерах нашей родины и в других далеких странах.

Собственно говоря, каждая корзина, которую мы несем, и любая обувь, которая несет нас, уже представляют собою средства транспорта и сообщения, даже в тех случаях, когда они отличаются крайней незатейливостью техники и первобытностью форм. Человек на всех ступенях культуры нуждается в искусственных средствах для преодоления больших пространств в сравнительно короткое время, а также для перемещения больших тяжестей. В обоих случаях одних природных сил чело-

века недостаточно, и этот недостаток восполняется либо разнообразными изобретенными им орудиями, при помощи которых он может целесообразнее использовать свои собственные силы, либо внешней силой стихий и животных, которой человек научился управлять с неподражаемым искусством. Ни в одной области своей многообразной и разносторонней культуры люди не трудились так настойчиво, так упорно и так успешно, как в области борьбы за преодоление силы тяжести и за завоевание пространства. Повсеместно первичными средствами переноски тяжестей были разные ремни и веревки, корзины и сумки, которые мы находим у всех народов. С целью же более удобного преодоления пространства человек, прежде всего, надел на босую ногу кусок кожи, чтобы защитить ее от терний и камней и придать себе большую силу сопротивления и уверенности при ходьбе и беге. Таковы первые звенья двух длинных рядов постепенных изобретений. Последними звеньями являются: изящный быстроходный велосипед и укрощенные гиганты — пар, взрывчатый газ и электричество, которые послушно приводят в движение наши поезда и суда, наши автомобили и летательные снаряды.

Что касается обуви, то ее, в сущности, также следует причислить к средствам сообщения. Это тонкое и, надо признаться, неожиданное соображение высказал впервые американский этнолог Отис Тейлор

Месон, книгу которого „Сообщение и транспорт у первобытных народов“*) можно с чистой совестью считать началом всей, вообще, научной работы по истории победы человека над пространством и силой тяжести. Из более или менее грубых сандалий, — этой первобытной обуви, — развились все другие формы ее, а именно: туфли — на Востоке, башмак и сапог — в восточной Азии и в Европе. У нас обувь шьют преимущественно из жесткой кожи; в Китае и Японии материалом для нее служат солома, войлок и шелк. Каким образом сандалия и гамаша (или, другими словами, подошва и голенище), — вначале две обособленные части обуви, — соединились позднее в одно целое, это показывает нам японский соломенный охотничий сапог, в котором обе части связываются шнурками уже на ноге. (Рис. 28.)

В наше время увлечения зимним спортом большое распространение получили лыжи. Но они были известны еще с самой глубокой древности и задолго до появления их у нас служили жителям приполярных стран надежным средством передвижения по необозримым и без них непреодолимым твердым снежным равнинам Старого и Нового Света. Описывать обычные лыжи, имеющие форму санных полозьев, — излишне. Этот тип лыж распространен по всему Северу, начиная от Лапландии, на западе, и кончая Амуром, на востоке. Другая,

*) О. Т. Месон: „Primitive travel and transportation“. Report of the U. S. National Museum for 1894. Washington, 1896.

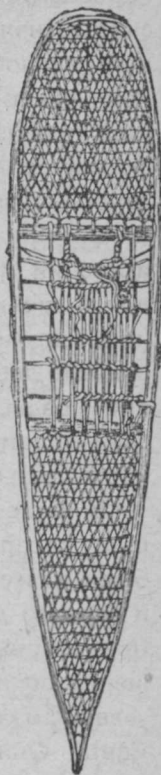
менее известная форма лыж, приспособлена не для быстрого скольжения по сверкающему снегу, а для предохранения пешехода от провалов в неулежавшийся рыхлый снег. Этого рода лыжи имеют решетчатую форму и представляют собою круглую раму с туго натянутой плетенкой из ремней. Эти решета пристегиваются пряжками к ноге. (Рис. 29.) У индейцев на полуострове Лабрадоре они состоят из овальной деревянной доски. (Рис. 30.)

28. Охотничий сапог из рисовой соломы. (Япония).

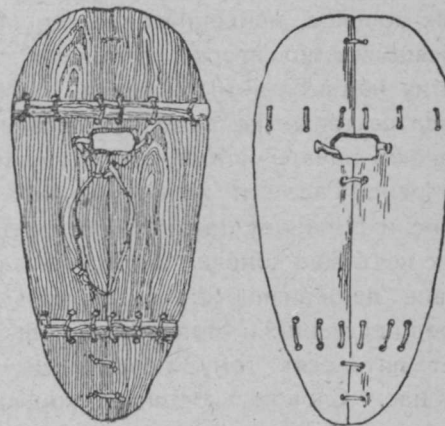
Коньки и цапки также детища сурового и закаленного в борьбе с непогодой Севера. Коньки сих элегантно и блестящей никкелировкой кажутся нам порождением новейшего времени. Между тем, в наших археологических музеях хранятся образцы коньков доисторических времен. Это

большей частью трубчатые кости крупного рогатого скота и лошадей. Они прикреплялись к ногам по-

29. Лыжи индейцев для ходьбы по рыхлому снегу.

средством тесьмы и шнуров, или же нога свободно покоилась на них без всякого прикрепления. В этом случае у кости откалывали суставные утолщения, и тогда нога держалась вполне устойчиво, по крайней мере, при передвижении в прямом направлении. Такие примитивные костяные коньки мы видим в настоящее время во многих венгерских комитатах. Конечно, и самый ловкий конькобежец не сумеет при помощи их опираться на льду красиво очерченный круг,

30. Лыжи лабдорских индейцев.

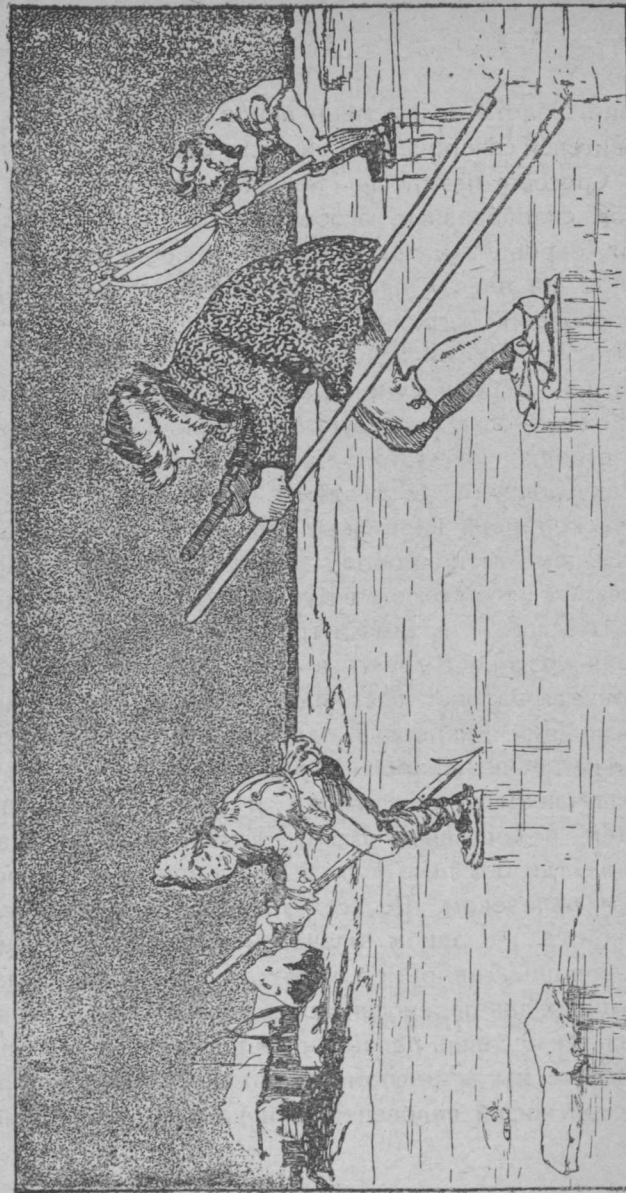
так как, благодаря ширине скользящей площади кости, отталкивание обращенной наружу стопы от льда невозможно. Вот почему к этим археологическим конькам необходимы одна или две палки, которыми конькобежец отталкивается от льда. Трое мальчиков венгерцев, изображенных на таблице III, дают полное представление об этом способе передвижения, а также и о катании на коньках с парусом. Правда, последнее не носит того

строго спортивного характера, как гонка бузров на озере Миггель, под Берлином, но, тем не менее, оно доставляет огромное удовольствие маленьким доисторическим людям нашего времени.

Археологический отдел лейпцигского этнографического музея обладает целой серией таких костяных коньков, найденных в северной Богемии и относящихся ко второй половине первого тысячелетия нашего летосчисления. На несколько иного рода костяных коньках каталась, повидимому, молодежь начала исторической эпохи в Мерзербурге, на реке Саале и на ее прежних руслах. В Берлине и Шпандау также были найдены при раскопках костяные коньки доисторической эпохи. Вследствие дешевизны стальных коньков, их костяные предшественники совершенно вымерли. Но еще лет пятьдесят тому назад ими пользовались и у нас. Словом, костяные коньки представляют нередкое явление в наших археологических коллекциях. Вирхов, Фридель и Отто Герман описали все коньки, найденные до 1902 года. Среди них эти авторы упоминают о коньке, относящемся к раннему бронзовому веку, т. е. к первой половине второго тысячелетия до Р. Х.

Что касается цапок, то о них можно ограничиться несколькими словами. Это — подошвы, сделанные большей частью из ископаемой мамонтовой кости, и так как цель их — предохранить ногу от скольжения, то они снабжены остриями и шипами. Цапки распространены у народов северной

Таблица III.

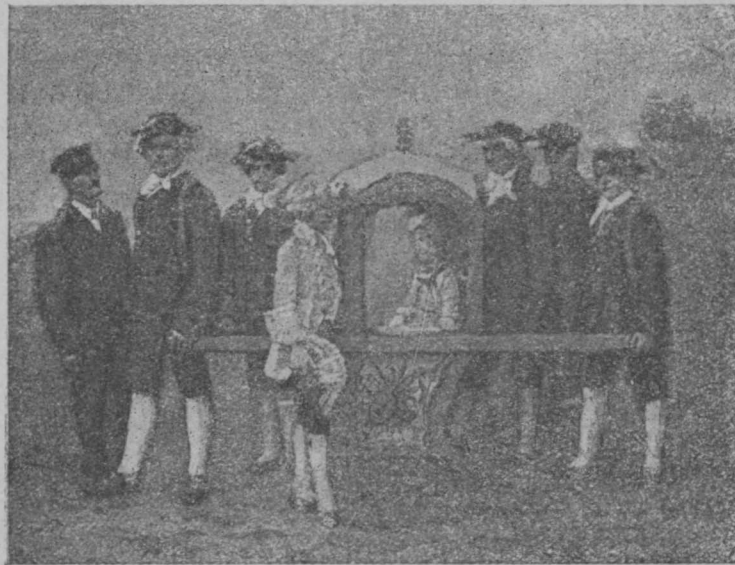
„Доисторический“ спорт в Венгрии.

Азии, вплоть до племени айнов, в Японии, а также у жителей северо-западной части Северной Америки.

Способы переноски тяжестей человеком имеют свои своеобразные особенности в каждой стране. Мы, европейцы, обычно носим тяжести на руке, на локте, на плечах или на спине, без особых приспособлений, ограничиваясь лишь веревками, ремнями и тесьмами для прикрепления к нашему телу корзин, коробов, сумок, ранцев и мешков. Шестом при переноске пользуются рыбак и виноградарь. Подкладки для тяжестей, переносимых на голове и на спине, мы встречаем в северной Германии на редких теперь кирпичных заводах с ручным производством: там подростки, девочки и мальчики, переносят таким образом в сушильню сырые кирпичи.

Шест для переноски грузов, или коромысло, очень распространено в двух больших областях: в экваториальной восточной Африке, где каждый носильщик из каравана, подымая тяжесть на голову или на плечи, неизменно прибегает к помощи шеста, облегчающего ему также и самую переноску; затем в восточной Азии, — Китае, Корее и Японии, — где без него кули был бы поистине несчастным человеком. Во всех этих странах коромысло покоится на одном плече, между тем как у нас молочницы, например, носят его на обоих плечах. Из шеста для переноски тяжестей постепенно развились все носилки, паланкины и переносные сидения, которые мы встречаем на протяжении всей исторической жизни человечества и которые в восточной

Азии сохранились до настоящего времени. У нас паланкины остались кое-где, как пережиток эпох рококо и барокко. Паланкинами пользуются, например,

31. Носильщики паланкинов на придворном празднестве в Дрездене.

на дрезденских придворных празднествах. Наш рисунок 31 изображает такую картинку идиллических времен, которая среди торопливой суеты современности является, конечно, забавным анахронизмом.

Достоин удивления, что во многих странах животными вовсе не пользуются как двига-

тельной силой в транспортном деле. Вся экваториальная Африка, обширная часть Азии — особенно Япония и южный Китай, — затем Австралия и вся Океания обходятся без помощи упряжных и вьючных животных. В Америке, до открытия ее Колумбом, были известны в качестве вьючного животного лишь лама на плоскогорьях Перу и Боливии и упряжная собака — у эскимосов. Северный олень в Америке никогда не был упряжным животным; на него только охотились. Лишь индейцы прерий, перекочевывая с одного места на другое, иногда запрягали оленей в длинные шесты-оглобли, которые волочили по земле и на которые они складывали свой домашний скраб.

В остальных странах, где животными пользуются как перевозочной силой, они иногда встречаются одновременно в нескольких видах — для запряжки, для вьюков и для верховой езды. Но, говоря вообще, в определенной стране всегда преобладает какой-нибудь один вид животных в качестве двигательной силы. Так на севере Старого Света, наряду с собакой, важную роль играет северный олень, без которого трудно представить себе существование лапландцев, самоедов, тунгусов и чукчей. Такими же необходимыми животными являются в песчаных и степных равнинах западной Азии и северной Африки — одногорбый и двухгорбый верблюды, в южной Африке — верховой бык, в Тибете — як, в горных долинах Анд и Брамапутры — коза и овца (та и другая в качестве вьючных животных), в Индии

и Индо-Китае, на Суматре и Борнео — слон и бык. Наконец, в обширной степной полосе средней Азии и в Европе главным верховым и упряжным животным является лошадь. Даже в наш век паровозов

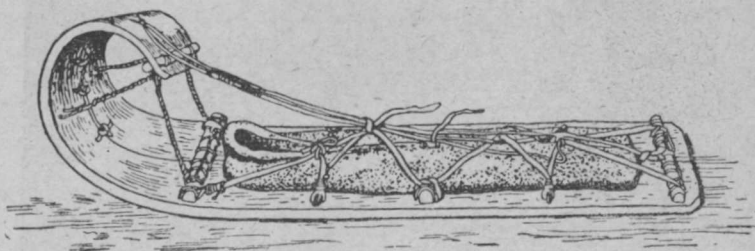
32. Волокуша в Олонецкой губернии.

и автомобилей она все еще не потеряла своего огромного значения.

Важным шагом вперед в области перевозочных средств было соединение двигательной силы животных с телегой и санями. Вопрос об изобретении телеги мы уже рассматривали выше. Первобытная же форма саней, — это древесная ветвь, на которой наш предок волочил к своему жилью убитую им в лесу дичь. В России крестьяне Олонецкой губернии и в настоящее время, при перевозке тяжестей по болотистым местам, прибегают

к санеобразным волокушам и смычкам (рис. 32), да и в Германии крестьяне все еще волочат свой плуг домой на простом вилообразном суке.

Сани являются перевозочным средством в приполярных и северных странах, где земля продолжительное время года покрыта снегом, как, например, на равнинах России, Сибири и приполярной части Северной Америки. У нас сани служат для катания

33. Канадский тобоган.

ради удовольствия. Но и на жарком юге мы находим сани в качестве перевозочного средства, а именно на острове Мадере, где по крутым, но гладким каменным улицам ездят на деревянных санях, и на острове Гавайи, где древние канаки проторили своими санями настоящие горные дороги.

Вследствие того, что в основу устройства саней положен простой принцип скольжения, форма их почти не меняется. Самые простые сани — это канадский тобоган, состоящий из одних полозьев или, вернее, из одной высоко загнутой спереди доски. (Рис 33.) Так же устроена и пулка лапланд-

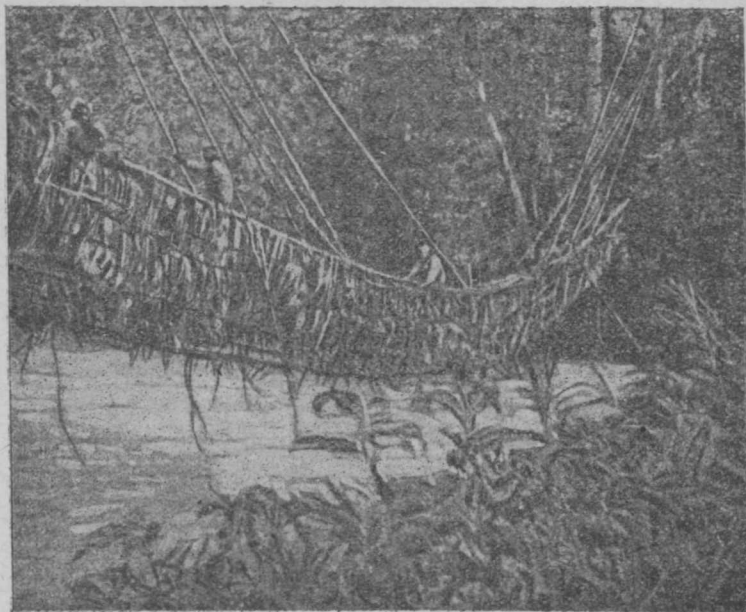
цев, но последняя, благодаря приделанным боковым доскам, имеет форму лодки с тупой кормой. Все остальные виды саней имеют два полоза, как наши горные салазки, и верхняя часть их в общем построена так же, как у наших салазок.

Все иные виды перевозочных средств не играют никакой роли в быту первобытных народов: телега — потому что она требует настоящих дорог, а не тропинок; моторные повозки — потому что ни один из этих народов не достиг соответствующего уровня техники. Там, где первобытные народы, благодаря соприкосновению с белыми, имели возможность усовершенствовать с технической стороны свои средства сообщения, они либо вовсе не воспользовались этим случаем, как в Австралии и в Америке, либо, как индейцы Америки, отказались от повозок и просто стали всадниками.

Прежде чем приступить к краткому описанию речных и морских средств сообщения, дадим беглый обзор первоначальных форм моста. Глядя на наши поистине сказочные сооружения, перекинутые через широкие реки и даже морские заливы, мы легко забываем, как невероятно трудно дикарю с его примитивной техникой соорудить мост. И дикарь, на самом деле, или вовсе не останавливается на мысли о решении столь сложной задачи, или же ограничивается незначительным улучшением того, что ему предлагает природа.

Простейший вид моста — это дерево, упавшее поперек ручья, или лиана, разросшаяся в длину

и достигшая противоположного берега. Насколько негр непонятлив в области техники, видно из того, что в первом случае он лишь срезает ветви со ствола, мешающие ему при переправе. Что же

34. Мост из лиан в Камеруне.

касается лиан, то, по крайней мере, у туземцев западной Африки, мы видим попытки дальнейшего усовершенствования этого естественного моста. По обеим сторонам лианы и выше ее негры протягивают две другие и все три переплетают более

тонкими лианами, так что получается висячий плетеный жолоб. (Рис. 34.) Само собой разумеется, что такой шаткий мост не выдерживает больших тяжестей. К тому же он непрочен, и если берега высоки, то взбираться вверх по такому висячему выгнутому мосту очень затруднительно.

Некоторого совершенства в сооружении первобытных мостов достигли только малайцы и жители Южной Америки. Малайцы, искусно связывая бамбуковые стволы, умудряются без помощи металлических гвоздей сооружать легкие и прочные мосты через довольно широкие водные пространства. По другую сторону земного шара, на плоскогорьях Перу, Эквадора и Колумбии, местные жители, еще задолго до покорения этих областей белыми, натягивали между крутыми берегами глубоких речных долин и ущелий висячие мосты, об одной разновидности которых — тарабитах — дает некоторое представление рисунок 35. Независимо от того, предназначены ли эти тарабиты для людей или животных, они всегда состоят из каната, сплетенного из прочных кожаных ремней и более или менее туго натянутого с одного берега на другой. Один вид тарабит сплетают из лиан. Протягивают два каната из лиан, на которые настилают солому, листву и т. п., так что получаются настоящие висячие мостки, вполне пригодные для переправы; несколько выше протягивают две лианы, служащие перилами. Другой вид тарабит — это висячий мост из одного каната,

перекинутый через пропасть. Переправа по такому мосту представляет собой почти смешное зрелище. Из одного каната состоят и мосты, предназначенные для животных. Но здесь берег, с которого спускаются, обыкновенно выше противоположного,

35. Тарабита в Кордильерах Южной Америки.

так что подвешенное на блоке вьючное животное почти без всякой посторонней помощи соскальзывает по канату на другой берег. Обратный путь может совершаться, разумеется, только при помощи второго натянутого каната с противоположным наклоном. В большинстве случаев это путешествие в воздухе доставляет лошадям видимое удоволь-

ствие, и они идут на него безо всякого понуждения. Только упрямые и боязливые животные пугаются и сопротивляются. Еще удобнее воздушные мосты для переправы людей в корзинах, подвешенных на блоке, в виде гамаков.

Средства сообщения на воде представляют гораздо меньше разнообразия. Передвигаться по воде человек может либо вплавь, либо пользуясь каким-нибудь приспособлением, которое выдерживало бы тяжесть его самого и тяжесть его багажа. Такими перевозочными средствами являются либо тела, которые благодаря своему малому удельному весу могут держать на воде тяжести, либо тела гораздо более тяжелые, чем вода, если им придана известная форма полого судна. К первой группе принадлежит плот во всех его разновидностях, ко второй — собственно суда. Ни плоты ни суда не распространены повсеместно, и мы не находим их не только у обитателей степей и пустынь, но, что гораздо удивительнее, и у многих жителей приморских стран, как, например, у большинства австралийцев.

Первоначальная форма плота — это вырванное с корнем дерево, уносимое вниз по течению. Испуганное дикое животное, спасшееся на нем, могло навести дикаря на мысль воспользоваться таким деревом как средством передвижения по воде. О том, как отдельные жители Новой Гвинеи и по сие время прибегают к помощи простых обрубков дерева и пней для плавания даже по бурным

и опасным заливам, мы рассказывали в книге: „Культура бескультурных народов“.

Путем соединения нескольких срубленных стволов или бревен образуется собственно плот, изобретение которого, как доказывает пример Робинзона, не представляет ни малейших трудностей. Вот почему плоты имеют повсеместное распространение. Самыми легкими плотами считаются изготавливаемые из дерева амбач (*Herminiera elaphroxylon*) на верховьях Нила: они выдерживают тяжесть трех человек, между тем как один человек может нести три таких плота сразу. Далее известны так называемые катамараны, на Коромандельском берегу Индостана, которые состоят из различной длины пней, связанных волокнами кокосовых пальм и снабженных парусом из цыновки. Эти плоты противостоят даже самым сильным прибою и штормам. Подобные же плоты, только без паруса, но с высоким настилом, мы находим в некоторых местностях Новой Гвинеи.

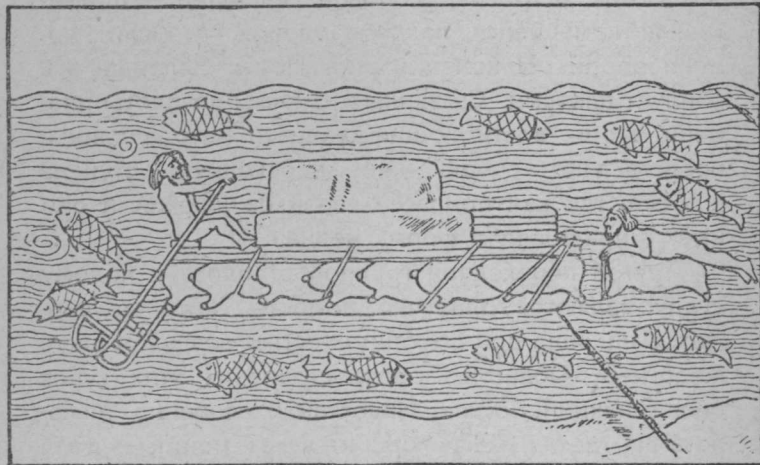
Областью, где плот получил наибольшее распространение, была, а отчасти еще осталась и до сих пор, вся западная береговая линия Америки между Калифорнией и Огненной Землей. На юге преобладает бальза, похожая на катамарану, но больших размеров. Длина бальз доходит до двадцати шести метров, а ширина до восьми. По свидетельству уже упомянутого нами Рихарда Андрэ, индейцы пускаются в путь на этих плотях даже при сильном ветре. На озере Титикаха бальзы соору-

жаются из пучков тростника и вследствие этого не могут ни опрокинуться ни затонуть. На реках и бухтах восточной Бразилии распространены так называемые янгады; на реках Суринама, у маронов или лесных негров — плоты кокороко; на Чатамских островах, у Новой Зеландии, — примитивная камышевая ладья мариоров, отрасли племени маори. Наконец, и сама Новая Зеландия изобилует плотами. Связанные из камыша плоты племени маори, достигающие двадцати метров длины, представляют собою уже переходную ступень к лодке, так как при всей своей неуклюжести они имеют правильную форму челна.

Другой переходной группой от плота к полому судну являются плавучие помосты, которые держатся на воде при помощи надутых воздухом шкур животных. Областью распространения этих судов был Ближний Восток, Индостан и особенно Месопотамия, где они называются келлег (или киллаг) и отличаются весьма древним происхождением. Такой же вид судна встречается и в Нубии, где он носит название рамуса. Рисунок 36 воспроизводит такой келлег с реки Ефрата, в древней Вавилонии. Надутые воздухом шкуры связаны при помощи веток; поверх них настланы доски, на которых сложена кладь.

Существенная особенность каждого судна — это его полая форма. Такую форму судну придают либо выдолбив его из целого куска дерева, либо соединив отдельные доски. Первый вид ладьи,

однодеревка, имеет одну и ту же форму как в древней Европе, так и в современной Африке. Она встречается и по сие время на речках и озерах наших захолустьев. В Африке к дощатой лодке перешло только племя ваганда, обитающее на

36. Древне-вавилонский келлег.

северо-западном берегу озера Виктория-Ньянса, да и то, повидимому, в данном случае сказалось влияние арабов. Вообще же повсюду в Африке господствует однодеревка. На реках Замбези и Конго она достигает крупной величины, а у побережья южного Камеруна и у племен кру и вей, в Либерии, размеры ее, напротив, так малы, что лодочник не помещается в своем челне и вынужден

плыть, сидя на нем верхом. Тем не менее эти крошечные лодки превосходно приспособлены к сильным приboям и бурунам, столь частым в тех местах.

Однодеревки встречаются и в Северной Америке. Наиболее тщательной отделки они достигли у индейцев запада, отличающихся страстью ко всевозможным украшениям и к ярким краскам. Переходных форм от выдолбленного челна к дощатой лодке нигде в Северной Америке установить не удалось.

У малайцев однодеревка постепенно развилась в своеобразную форму судна, состоящего из двух челнов, соединенных поперечными перекладинами. Иногда второй челн заменяют простым бревном, и тогда перед нами челн с так называемым противовесом. И второй челн и бревно имеют целью предотвратить или затруднить опрокидывание. В некоторых местах бревна-противовесы прикрепляются по обоим бокам челна. Во время Джемса Кука (1768-79) господствующим видом судна в Океании была двойная однодеревка, но в настоящее время она там почти совсем вытеснена челном с противовесом. В Индонезии однодеревку заменила тяжелая, сбита из крепких досок лодка, называемая туземцами прау.

Лодки из кожи животных и из древесной коры — столь же древнего происхождения, как и выдолбленный или выжженный из целого ствола челн. Эти лодки делают из одного целого куска или со-

ставляют из отдельных кусков. Примером лодки из цельной кожи животного могут служить те, на которых индейцы разъезжали прежде по обширной водной системе реки Миссисипи и ее притокам. Основой этих лодок были грубо сплетенные корзины, покрытые буйволовыми шкурами. Из отдельных кусков кожи сшиты лодки эскимосов: каяк, или лодка для мужчины, и умяк, или лодка для женщины.

Самым примитивным типом лодок, сделанных из древесной коры или лыка, являются жалкие суда австралийцев, на которых они еле отваживаются доплыть до ближайшего острова, и лодки тасманийцев и туземцев Огненной Земли. Технически лучше устроены лодки многих индейцев, живущих севернее, например, лесных племен Бразилии. Но верх изящества и приспособленности — это челноки из бересты у индейцев британских владений Северной Америки и наиболее северных из штатов Союза. Такое судно выдерживает сильные толчки и отличается такой легкостью, что его не трудно перенести с одной речной системы на другую. Благодаря своим качествам, берестовая лодка стала очень скоро предметом обихода и у тамошних белых колонистов.

Следует еще вкратце упомянуть о способе гребли у первобытных народов. Ни один из них не пользуется для этой цели принятым у нас скользящим веслом, точка опоры которого находится или на самом борту лодки или вблизи ее, составляя

одно целое с лодкой. Когда дикарь „гребет“, это значит, что он сидит на корточках или стоит лицом к носу лодки и погружает свое большей частью короткое весло отвесно сверху и затем сильно отталкивает его обеими руками назад.

Плавание с парусами встречается у дикарей лишь в отдельных редких случаях. Древние венеты западной береговой полосы Франции употребляли кожаные паруса. В пределах малайско-полинезийской культуры паруса изготавливаются из цыновок грубого плетения, причем на одном из Коралловых островов, отличающемся безлесием, парус часто прикрепляется к мачте, составленной из отдельных кусков дерева. Изобретение способа плавать с парусом против ветра обусловило ту подвижность, благодаря которой малайско-полинезийская раса распространилась по огромному пространству. Чтобы судить о размерах этого пространства, достаточно сказать, что его длина — от Мадагаскара, на западе, до острова Пасхи, на востоке, — составляет более полуокружности земного шара, а его ширина, — от острова Гавай, на севере, до Новой Зеландии, на юге, — равна 80 градусам, т. е. превосходит ширину Азии. В области мореходства племена малайско-полинезийской расы стоят на недостижимой высоте в сравнении с другими первобытными народами.

Оглавление.

	стр.
1. О сущности хозяйства и его культурно-историческом значении.	3
2. Основы хозяйства	16
3. Хозяйство у беднейших народов современности.	30
4. Архаические черты в хозяйстве первобытных народов.	51
5. Путь к труду	68
6. Разделение труда	76
7. Формы хозяйства	90
8. Мерило ценности и деньги	111
9. Транспорт и средства сообщения	142